

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

10 (784) октябрь, 2022

www.uralstalker.com

**Еще
подумаешь?**

СИМВОЛ МЕСТА

ВСТАНЬ И ГРЕБИ

ГРИБ VS ДЕРЕВО

Октябрь 2022

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Фото Полины Чекалкиной.

4 стр.: Фото Никиты Ватолина.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2022 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №10 (784), 2022 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России;
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №10, 2022 г.
Подписан к печати 30.09.2022 г. Дата выхода 05.10.2022 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №

Встречный ветер

Наши проекты

В.СЕМЕЧКОВА

«Неуловимых» снова
не поймать 3

Живи активно

С.ЧЕРНОСОС

Встань и гребь 20

Фотолетопись

Д.ЖДАНОВ

В поисках
следа Полоза 24

Живи активно

А.ЯКОВЛЕВА

Пещера Тёмная ... 38

Юнкоры едят

А.САМОЙЛОВА

Крепость на пути
из Европы
в Азию 42

**Путешествие
по Уралу**

Н.ВАТОЛИН

Острый тур 44

Природа в ладонях

Животный мир

М.БОКАЧЕВ

Кабаны 10

Добрые попутчики

Ю.МИХАЙЛОВ

Чьи имена
увечены
в названиях видов
уральских жуков .. 12

Экология

Д.ДИЯРОВА

Современный взгляд
на биосферную роль
дереворазрушающих грибов 14

Река времени

Далекое-близкое

И.ПАШНИНА

Очарование
пермского
севера 6

Тропой поиска

Д.БАЛАКИН

Перевал
Пурлахтынсори.... 17

Традиции

А.БОБРИХИН

Школа народной
культуры 27

Тропой поиска

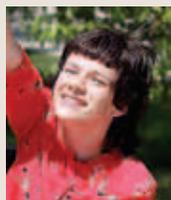
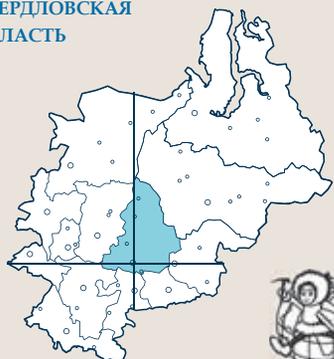
И.АБРАМОВ

Загадка озера
Энетор 32

340 команд приняли участие в фестивале «Осень «Уральского следопыта»

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Вера Семченкова

Человек с ассортиментом особенностей, включая печать букв собственным носом и непрерывное катание на своей колеснице.

«Неуловимых» снова не поймать

Суббота — тот самый долгожданный выходной, когда можно поспать в свое удовольствие и никуда не спешить. Но нет, когда «Уральский следопыт» проводит квест с широким ассортиментом физических и умственных дисциплин, жителям Екатеринбурга точно не до сна.

Вот и успешно дебютировавшая в мае команда «Неуловимые» снова вышла на старт в обновленном составе, чтобы посмотреть свежим взглядом: какая она — дорога к финишу. Извилистая и заковыристая — это на первый взгляд.

Увлекательная своим разнообразием и притягательная своей атмосферой единства и заинтересованности. Именно с такими качествами команда делала уверенные шаги от станции к станции, набирая заветные баллы.

Наверное, правильно в начале пути оценить готовность к труду и обороне. Так, «Неуловимые» сдали нормы ГТО по прыжкам, наклонам и отжиманиям, что, безусловно, помогло настроиться на ловкое преодоление станции «Бокс». Хорошая физическая подготовка помогает и в делах интеллектуальных.

Изобразить первобытный рисунок, а тем более угадать, какие материалы не использовались в древности, — задача не из лег-

ких, но и с ней коллективный разум справился достойно.

Законы взаимовыручки и логики оказались как нельзя кстати в определении географических координат стран и континентов земного шара. После такого задания любое путешествие по силам. Впрочем, даже самый небольшой маршрут предполагает знание основ безопасности жизнедеятельности. За этим и отправились к специалистам по теплу, где узнали, что делать, если впереди открытый люк,

а затем получили высокую оценку за ответы по верному использованию тепловой энергии.

Удовлетворенные своей осведомленностью и очастливленные полученными сувенирами ребята получили еще одну порцию знаний по устройству пожарной машины и пошли работать с лесом.

На станции «Юный геодезист» смелые и решительные ознакомились с принципом действия теодолита и выполнили необходимые измерения. Далее тропа заниматель-

ных приключений напрямик привела к таксации леса. Это только звучит жутковато, на самом деле с помощью данного термина определяют нужные критерии дерева, например, объем его вырубки. Не менее важный навык, который, к сожалению, всем и каждому может пригодиться — тушение лесных пожаров. «Неуловимые» и с этим отлично справились.

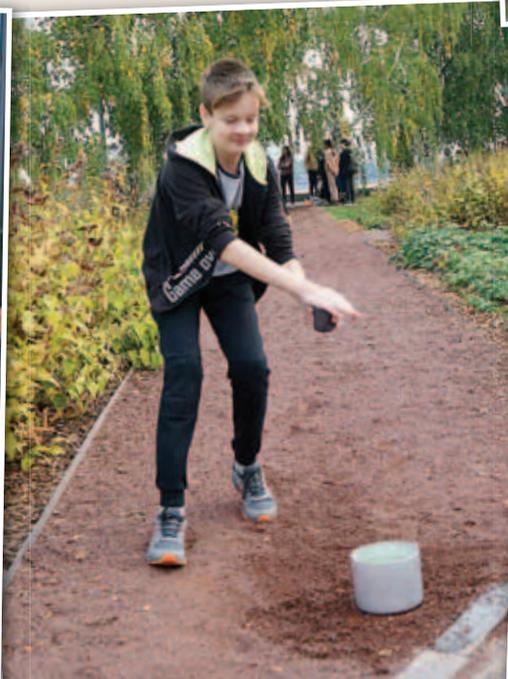
Наполненный энергией жизни и тягой к постижению нового квест завершился для команды решени-

ем очередной интересной задачи: по костям и скелету определить животное.

Что ж, вряд ли без прохождения этапов друзья увидели бы останки мамонта и вряд ли без данного мероприятия та самая долгожданная суббота осталась бы в памяти столь завораживающей... Благодарим за привлечение «Неуловимых» к активному образу жизни редакцию журнала «Уральский следопыт» и ждем новых незабываемых стартов! **УС**

www.uralstalker.com

5

Очарование Пермского севера

Ирина Пашнина

Окончила биологический факультет Уральского государственного университета, доктор биологических наук. Проживает в г. Екатеринбурге, работает заведующей клинико-диагностической лабораторией Областной детской клинической больницы.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Чем дальше в лес, тем больше открытий. Заберешься в какую-нибудь тьмутаракань, и вот там-то и начинается все самое интересное. Впрочем, до тех мест, про которые я хочу рассказать, можно даже по асфальту доехать, не такая уж тьмутаракань.

Речь пойдет про север Пермского края и необычные природные и исторические объекты в районе посёлка Ныроба. Про сам Ныроб я рассказывала в предыдущем выпуске журнала, но вокруг этого населенного пункта тоже есть что посмотреть.

Одно из самых известных мест — природный памятник Пермского края Узкая и Широкая улочки. Это естественные разломы в карбонатных породах, образующих скальные выходы. Чтобы добраться до места, нужно ехать по трассе Чердынь — Ныроб. Не доезжая Ныроба, на 42-м км трассы повернуть направо и двигаться по лесной дороге в восточном направлении около

3 км. Местами дорога не очень хорошая, но в сухую погоду доступна всем автомобилям. На трассе есть даже указатель, так что найти поворот легко.

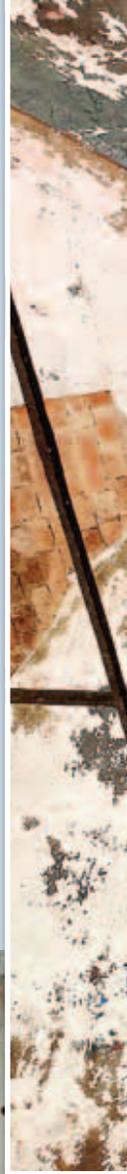
Узкая улочка выглядит как щель (местами не более 60 см) между пластинами породы, которые расположены перпендикулярно земле. Внутри расщелины камни образуют подобие ступеней, так что по ним вполне можно подняться даже без особой подготовки. Однако это требует определенной ловкости и, разумеется, есть опасность сорваться и упасть, поэтому стоит хорошо подумать, прежде чем лезть наверх. Категорически не советуем делать это в сырую погоду. «Ступеньки» отполированы многочисленными восходителями, длина подъема около 40 метров, так что незапланированное соприкосновение с землей может случиться на большой скорости и иметь неприятные последствия.

Существует легенда, что, поднявшись по Узкой улочке, человек очищается от всех грехов, а заодно может рассчитывать на исполнение желания. Легенда, скорее всего, родилась в те годы, когда здесь проводились крестные ходы в честь христианской святой Параскевы Пятницы и заканчивались подъемом по Узкой улочке. Сейчас крестных ходов не бывает, а вот желающих подняться — толпы. Спуститься после очищения от всего лишнего можно по более комфортному пути — Широкой улочке. Там можно просто сойти

пешком, лезть никуда не надо. Широкая улочка представляет собой расщелину около 10 метров шириной, внутри даже деревья растут.

Любителям старины будет интересно осмотреть Искорское городище, расположенное на высоком холме напротив Узкой и Широкой улочек. Название, вероятно, произошло от коми-пермяцких слов «из» — камень и «кар» — город, то есть «каменный город». Искор был столицей одного из Великопермских княжеств, упоминается в русской летописи 1472 года. Здесь найдены остатки деревянных оборонительных сооружений XV–XVI веков, жилых и хозяйственных построек. Городище занимает исключительно выгодную стратегическую позицию, с трех сторон оно окружено крутыми обрывами. Кроме того, по периметру были дополнительно сооружены высокие земляные валы. Исходно здесь обитали предки коми-пермяков времён родановской культуры, затем поселились русские. В этом районе есть массовые захоронения представителей обеих национальностей, а также могилы ногайских татар, не раз нападавших на городище.

Сейчас на месте городища стоит каменная часовня Параскевы Пятницы, построенная в конце XIX века на месте старой деревянной. Сюда раньше совершался крестный ход из села Искор, приуроченный ко дню этой святой. Часовня небольшая, квадратная в основании, внутри были выполнены росписи со сценами крещения пермяков, обороны Иско́ра от ногайских татар, а также перенесение иконы Параскевы с городища в село Искор. Сейчас от росписи сохранились только фрагменты. По легенде, считалось, что Параскева принимала участие в обороне Иско́ра от врагов, попала в плен и трагически погибла. С тех пор она почитается как покровительница Иско́ра. С Параскевой возникла определенная путаница, поскольку в официальном христианстве почитаются Параскева Иконийская и Параскева Сербская, обе жили очень далеко от Иско́ра. Каковы истоки легенды о Параскеве Иско́рской, сейчас установить сложно, однако эта святая до сих пор особо уважаема на севере Пермского края.

Природа вокруг Ныроба и Иско́ра отличается от той, что на Среднем Урале, — вокруг Перми или Екатеринбурга, и заслуживает отдельного внимания. Крутом леса, реки и болота, полей вообще не видела, сельское хозяйство здесь не развито. Это даже не зона рискованно земледелия, как у нас, это уже, наверно, зона экстремального сельскохозяйственного риска. Зато грибов и ягод

в лесах — видимо-невидимо. По широте Ныроб севернее Санкт-Петербурга, так что с белыми ночами здесь всё в порядке. В этом районе находятся очень большие площади песчаных почв. Идеально белый или слегка золотистый песок во многих местах можно найти в чистом виде, даже без примеси частиц почвы. Например, на лесной дороге, ведущей к Искорскому городищу от трассы, много участков чистого песка. Здесь когда-то плескалось мелкое и теплое Пермское море, так что можно считать, что есть шанс побывать на его пляжах. Остаётся только вообразить гигантские хвощи и папоротники, древних рептилий и земноводных, — и антураж готов. На бедных питательными веществами песчаных почвах растут так называемые лишайниковые боры. В них почти нет травы, мало подлеска, слегка волнистый рельеф местности. На возвышениях почва сплошь покрыта лишайниками, и это очень красиво. В понижениях рельефа, где воды чуть больше, преимущественно растут мхи, черника на таких почвах тоже неплохо себя чувствует. В общем, если Вы хотите составить небанальный маршрут для путешествия, сочетающий природные и архитектурные объекты, то присмотритесь к достопримечательностям Пермского Севера. Особая физическая подготовка и экипировка не нужна, практически повсюду можно проехать на автомобиле, так что маршрут подойдет для совершенно разных путешественников. **УГ**

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Михаил Бокачев**

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

Кабаны

Еще сравнительно недавно этих интересных зверей на территории Свердловской области не было. Первые встречи кабанов в нашей области были отмечены в 1969 году в Артинском районе, куда они зашли, по-видимому, из Башкирии.

Кабан — очень мощный зверь. У него короткое, очень плотное тело, на массивной, толстой и короткой шее расположена большая голова с длинными широкими ушами, маленькими глазками и мощным выдающимся вперёд рылом с пяточком, хорошо приспособленным для рытья и длинными, особенно у самцов, клыками. У самцов кабанов клыки такие длинные, что выглядывают из ротовой полости. Длина клыков кабана может достигать 10–12 см. Вес кабана обычно не превышает 100 кг, но встречаются особи весом

150–200 кг. Иногда бывают особи весом более 300 кг. Несмотря на то, что у кабанов не самые длинные ноги, этот зверь может развивать скорость 40 км/час.

С 1978 года в области велись работы по искусственному расселению кабанов. Выпуски этих зверей проводились в течение семи лет на территории Сысертского, Камышловского, Туринского районов. Всего за этот период на территории Свердловской области было выпущено 656 кабанов. В настоящее время численность этого зверя в области достигает 18 тысяч особей. Кабан распро-

▼ Самка с кабаненком

странился широко, он встречается даже на севере области в Ивдельском районе.

Кабан очень пластичен, легко приспособляется к самым разным условиям обитания. Ареал распространения этого вида в мире один из самых широких среди наземных млекопитающих. Обитать он может в самых разных уголках, но предпочитает держаться около не промерзающих зимой болот или сельхозполей. В летний и особенно осенний период кабаны могут перемещаться очень широко. В начале зимы длина суточного хода может достигать десяти, а при кочевках — двадцати километров. Однако при наличии достаточного количества корма кабаны перемещаются мало. Состав поедаемых кабаном кормов очень разнообразен. Сюда входят растительные корма (надземные и подземные части растений), почвенные насекомые, черви, грызуны, яйца и птенцы птиц, грибы, мхи и лишайники. Не откажется кабан и от падали. В общем, он ест все, что сможет найти.

На кормежку кабаны выходят обычно утром и вечером, летом могут кормиться всю ночь. В зимний период для своих дневков кабаны устраи-

вают целые «гнезда», расчищая до земли снег, разрывая яму в земле глубиной 15–20 сантиметров и выстилая ее сломанными ветками и верхинками молодых елей и пихт, сухой травой. В такой лежке устраивается обычно вся семья: самка с поросятами и подвинками, а иногда и сечак.

Гон у кабанов начинается обычно в ноябре. В это время у взрослых самцов появляется «калкан» — утолщение соединительнотканного слоя по бокам задней части шеи и груди. Он может достигать толщины четырех сантиметров и так плотен, что его с трудом можно разрезать ножом. Калкан предохраняет сечакей во время драк за самок.

Кабаны очень плодовиты. Самка рождает шесть-семь, а иногда и более поросят. Поросята очень подвижны и уже да десятый день начинают самостоятельно скусывать части зеленых растений, рыть землю и выбирать корм. Продолжительность жизни кабанов может достигать 14–15 лет, а в неволе они могут жить и до 20 лет. При встрече с агрессивно настроенным кабаном в лесу человека может спасти дерево и некоторая близорукость этого сильного зверя. **УС**

▼ Кабанята

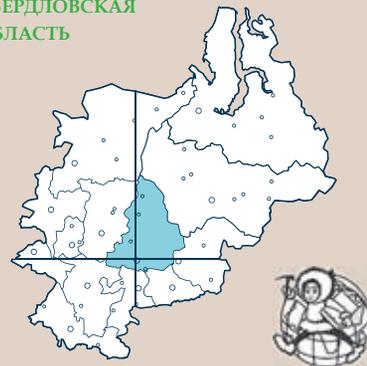

◀ На лугу

Юрий Михайлов

Доктор биологических наук, профессор кафедры экологии и природопользования УГАТУ, Почетный работник сферы образования РФ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Чьи имена увековечены в названиях уральских видов жуков

У насекомых на Земле самое большое видовое разнообразие, их известно около 1,5 миллионов видов. И эта цифра очень приближительна, потому что ученые-энтомологи непрерывно описывают еще не известные науке виды во множестве специальных журналов разных стран.

Хотя для краткости часто говорят про «новые» виды (и латинское их обозначение «species nova»), на самом деле эти виды новые только для науки, а время их существования может исчисляться тысячами лет. Но всё это время «новые» виды просто не попадались на глаза специалистам. И это не удивительно, ведь многие насекомые ведут ночной или скрытный образ жизни, и чтобы их собрать, не достаточно просто выйти с сачком на лесную поляну в солнечный день. Так мы соберем только самых обычных бабочек и более-менее крупных жуков. Кроме того, на Земле есть области очень высокого биоразнообра-

зия, где на небольшом пространстве можно найти сразу много видов. Это тропики. И в России есть места, куда стремятся многие энтомологи: Кавказ и Дальний Восток. У нас на Среднем Урале фауна насекомых типичная европейско-сибирская, то есть многие виды, которые обитают здесь, встречаются и в Европе, и в Западной Сибири. Екатеринбургский энтомолог Ю.М. Колосов писал об этом в работе «Насекомые Урала» еще в 1936 г. Но в том же году исследователь северных гор В.Ю. Фридолин сделал вывод, что фауна Урала богаче и разнообразнее, чем на окружающих его равнинах.

Почему возникло такое противоречие? Ответ кроется в том, что Ю.М. Колосов изучал Урал в самой пониженной его части, а В.Ю. Фридолин — настоящие горы. Да, на Урале есть высокогорья (хотя жители Кавказа или Алтая здесь усмехнутся). Ведь определяются высокогорья не абсолютной высотой местности над уровнем моря, а наличием экотона верхней границы леса и альпийской зоны над ним, которая в горах Урала представлена гольцами или горными тундрами.

Мой интерес к горным фаунам насекомых пробудился в середине 1990-х годов, когда еще аспирантом я участвовал в экспедициях тогда еще Уральской лесотехнической академии в горы Кузнецкого Алатау. Высокогорные горные луга поразили меня разнообразием насекомых, особенно жуков-листоедов. Для их определения я консультировался с ведущими специалистами Львом Никандровичем Медведевым в Москве и Игорем Константиновичем Лопатиным в Минске, которые и убедили

меня серьезно заняться исследованием этого семейства жуков. В результате по листоедам были защищены мои кандидатская и докторская диссертация и описано 35 новых для науки видов и подвидов.

Уже будучи преподавателем кафедры ботаники и защиты леса УЛГУ, я узнал, что этой кафедрой с 1945 по 1959 годы заведовал всемирно известный специалист по флоре высокогорий Урала Павел Леонидович Горчаковский. А жуки-листоеды тесно связаны с растениями, и часто для того, чтобы их найти, особенно в горах, нужно вначале разыскать заросли растения, которым они питаются. Многие горные виды жуков днем прячутся под камнями. Листоедов тоже там можно найти, но у растений они встречаются чаще. А питаются на них только ночью, поэтому не удивительно, что какие-то виды могут скрываться от специалистов даже там, где часто бывают туристы.

Вообще, находка нового для науки вида жуков — нечастое событие не только для Урала. А вот в 1897 году ведущий российский специалист по листоедам Георгий Георгиевич Якобсон из Зоологического института в Санкт-Петербурге описал с Урала сразу три новых вида жуков-листоедов. Это были Листоед Родда (*Chrysolina roddi* Jacobson) и Листоед Порецкого (*Chrysolina poretzkyi* Jacobson) из бывшей Оренбургской губернии (ныне это Бурзянский район Башкортостана), а также Листоед Кузнецова (*Chrysolina kuznetzowi* Jacobson) с реки Лозьва в Пермской губернии (ныне это Свердловская область). Все эти виды были названы в честь тех людей, кто их собрал, а именно русского лесоведа, энтомолога, краеведа и коллекционера Евгения Георгиевича Родда (1871–1933), М.М. Порецкого и известного ботанико-географа, флориста Николая Ивановича Кузнецова (1864–1932). Такая традиция давно су-

ществует в энтомологии — давать новым видам названия в честь тех путешественников, которые их нашли, или известных ученых, работающих в этой или другой области, либо по месту находки. А имя того, кто описал этот вид, и год описания, будут всегда сопровождать латинское название, это правило зафиксировано в международном зоологическом кодексе.

Из всех обнаруженных в горах видов листоедов самой интригующей была находка Листоеда гиперборейского (*Chrysolina hyperboreica* Mikhailov). Этому эндемику Северного Урала и Свердловской области я дал название в честь легендарных Гиперборейских гор. Единственный самец этого вида был найден мной на горе Серебрянский Камень в 2000 году, и во время последующих экспедиций на этот же горный массив попытки снова найти этот вид не увенчались успехом. Лишь в 2016 году, когда коллеги-ботаники подсказали его возможное кормовое растение, при тщательном обследовании зарослей этого растения, редчайший жук и его личинки были найдены снова. Самое интересное, что его ближайшие родственники обитают далеко на юго-востоке: в Минусинской котловине, Центральном Казахстане и на Алтае.

Листоед Лагунова (*Chrysolina lagunovi* Mikhailov), описанный мной в 2007 году, назван в честь заслуженного эколога Александра Васильевича Лагунова из Миасса, специалиста по энтомофауне Южного Урала, который одним из первых обнаружил этот вид. Этот листоед встречается не только в горных тундрах Южного Урала (Иремель, Нургуш), где был впервые обнаружен, но и в Свердловской области. Здесь он обитает на вершинах массивов Денежкин Камень и Конжаковский Камень. Хотя популяции с Северного и Южного Урала разделены между собой относи-

тельно небольшим расстоянием, всего 500–600 км, эта изоляция поддерживается со времени разрыва единого пояса горной тундры, т. е. около 8000 лет. Кормовыми растениями Листоеда Лагунова являются ветреница пермская и горькуша уральская, оба тоже уральские эндемики. То есть и сам листоед, и его кормовые растения встречаются только в горах Урала.

Другим эндемичным для Урала растением, лаготисом уральским питается Листоед Ольшванга (*Chrysolina poretzkyi olshchwangi* Mikhailov). Это высокогорный подвид описанного еще Г.Г. Якобсоном Листоеда Порецкого, который до недавнего времени был известен только из низкогорий и предгорий Южного Урала и Предуралья. Но, начиная с 2007 года в горно-тундровом поясе самых высоких гор Южного Урала мне постоянно попадались более мелкие экземпляры, отличные от предгорных. Интересно, что в горно-лесном поясе этот вид не встречается, то есть в его распространении есть высокогорно-предгорный разрыв. Этот подвид назван мной в честь Владимира Николаевича Ольшванга (1946–2022), известного энтомолога и эколога, изучавшего энтомофауну горных тундр Урала, научного сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН.

До сих пор загадочным остается Листоед Кузнецова, которого с момента описания больше никто на реке Лозьве или где-то еще не собирал. Очень мало находок листоедов с труднодоступных хребтов Северного и Приполярного Урала, да и на Южном Урале обследованы далеко не все гольцовые вершины. Но экспедиции продолжаются, каждое лето с коллегами и студентами УЛГУ мы изучаем биологическое разнообразие горных экосистем и его изменения из-за глобального потепления. И каждый сезон приносит новые открытия. 📌

▼ Листоед Ольшванга

▼ Листоед Лагунова

▼ Многолетнее плодовое тело *Fomes fomentarius*. Фото автора

Современный взгляд на биосферную роль дереворазрушающих грибов

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Дарья Диярова

К.б.н., научный сотрудник лаборатории проблем сохранения биоразнообразия и ООПТ Института экологии растений и животных УрО РАН.

Еще полвека назад дереворазрушающие грибы, хотя бы исходя из самого названия, рассматривались преимущественно как вредители, которые поражают деревья и лесоматериалы, нанося, таким образом, существенный экологический и экономический ущерб.

Однако если посмотреть на этих представителей грибного царства глазами эколога, то можно обнаружить ряд интересных фактов, делающих эту группу организмов уникальной в современной биосфере.

Традиционно к дереворазрушающим грибам относят все грибы, развивающиеся на древесных субстратах (живых или мертвых деревьях, древесных материалах, деревянных постройках), независимо от того, используют они их в качестве питательного ресурса

► Субстратный мицелий на лиственной и на хвойной древесине. Фото автора

▲ Трихаптум двойкий

▲ Трутовик обыкновенный

▲ Трутовик окаймленный

или нет. В узком смысле к ним относят только грибы-ксилотрофы («хуло» — «дерево»), для которых древесина является и средой обитания, и пищей одновременно.

Что представляют собой леса в планетарном масштабе? Это крупнейший резервуар биологически связанного углерода. С помощью фотосинтеза деревья поглощают углекислый газ из атмосферы и накапливают углерод в своем «теле». Когда дерево по тем или иным причинам погибает, оно становится пищевым ресурсом для ксилофагов и ксилотрофов, стоящим в начале детритной пищевой цепи. Однако ввиду того, что древесина более устойчива к разложению, чем другой растительный опад, ее биологической утилизацией занимается целый комплекс организмов — бактерии, грибы и беспозвоночные животные. Ведущую роль в разложении древесных остатков в наших лесах играют именно дереворазрушающие грибы — благодаря наличию уникального набора ферментов они являются единственной известной группой организмов, способных к расщеплению таких сложных компонентов древесины, как лигнин и целлюлоза. Поэтому дереворазрушающие грибы можно считать санитарами леса — они очищают планету от избытка мертвых деревьев. Это свойство нашло свое применение и в биотехнологии — их активно используют при создании экологически чистых способов утилизации отходов деревоперерабатывающей и текстильной промышленности. Кроме этого, в последние годы возрос интерес к ксилотрофным грибам как к потенциально безопасному и дешевому сырью в строительной отрасли — из гри-

бов создают упаковку, изоляцию, кирпичи и целые здания.

Известно, что дереворазрушающие грибы имеют свои «вкусовые пристрастия», или субстратную специализацию — некоторые из них всеядны (разрушают древесину как лиственных, так и хвойных пород), некоторые предпочитают, например, только лиственные деревья, а часть видов и вовсе являются привередами — им по душе, например, исключительно древесина березы.

То, что мы можем наблюдать на деревьях — плодовые тела грибов самой разнообразной формы, цветов и размеров — это органы их размножения, выбрасывающие десятки тысяч спор.

Основная же часть грибного организма (мицелий) скрыта от нашего глаза и находится в толще древесины. Эта еще одна интересная особенность грибов-ксилотрофов: древесина сама по себе довольно специфическая, в какой-то степени экстремальная среда обитания, в которой мало кто способен почувствовать себя комфортно — характеризуется особым температурным и газовым режимом (предельно мало кислорода при высоком содержании углекислого газа). Вместе с тем, экспериментально установлено, что на долю мицелия может приходиться около 13% от общего веса разрушаемой грибами древесины, т.е. если разлагаемое дерево условно весит 100 кг, то в нем может быть до 13 кг гриба!

Пожалуй, одними из первых в изучении экологии дереворазрушающих грибов мы используем эколого-физиологический подход, который основан на газометрических методах. Они позволяют оценивать активность грибов по интенсивности их дыхательного газообмена, т.е. потребления кислорода и выделения углекислого газа. Экспериментально обнаружено, что дышат дереворазрушающие грибы по-разному, а факторы, определяющие этот процесс, многообразны — тип вызываемой грибами гнили, их древесный субстрат, степень его разложения, а также влажность и температура окружающей среды. Установлено, что температура определяет не только уровень

▼ Однолетнее плодовое тело *Piptoporus betulinus*. Фото автора

▲ Измерение дыхательного газообмена разрушаемых грибами древесных остатков в лаборатории (слева) и в лесу (справа). Фото автора

газообмена, но и его суточную и сезонную динамику. На Урале активный газообмен дереворазрушающих грибов, а соответственно, и разрушаемых ими древесных остатков начинается в конце марта-начале апреля, с наступлением положительных дневных температур, и продолжается до начала ноября, достигая максимального уровня интенсивности выделения CO_2 в июле. Именно с накоплением в атмосфере этого парникового газа связывают современное изменение климата, а изучение динамики потоков климатически актив-

ных газов является одной из актуальных экологических задач. В настоящее время в рамках работы экспериментальной площадки «Урал-Карбон» мы проводим оценку «углеродного» дыхания крупномерных древесных остатков, разлагаемых грибами.

Это далеко не полный перечень особенностей этой уникальной группы организмов, жизнедеятельность которых, наряду с древесными растениями, играет важную роль в регуляции газового состава атмосферы и климата нашей планеты. **УС**

Перевал Пурлахтынсори

▲ Курган на перевале

Молебный камень

Дмитрий Балакин

Историк, живет в Екатеринбурге, увлекается краеведением и туризмом, последние 10 лет занимается историей лозьвинских манси.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мы решились посетить это священное для манси место с местным краеведом из Ивделя. Наш интерес к этим местам подогревала история, рассказанная охотником о находке витого серебряного обруча и каких-то подвесок в камнях кургана.

Первые упоминания об уральском хребте Ялпинг-нёр (Священный или Молебный камень) в верховьях реки Вижай, притока Лозьвы, встречаются в трудах Горной экспедиции начала 30-х годов 19 века, он нанесен на карту Антала Регули 1844 года. О святилище на Молебном камне написано в «Пермских епархиальных ведомостях» № 34 за 1870 год: «Место общих поклонений вогул на Богомольном камне, где находятся до сорока идольских изображений в разнообразных украшениях, расположенных полукругом на довольно большой лужайке». Так же священный статус хребта отмечает геолог Федоров Е. С. в своей книге «Сведения о северном Урале», написанной по результатам экспе-

дидий 1884–85 годов: «Вогулы считают за одно название Ялпинг-нёр и Молебный камень, наши проводники наотрез отказались идти туда, также мы слышали про религиозный языческий обряд, который вогулы раз в году совершают там, режут белого коня, пьют его кровь, далее следует пьянство и пляски». В книге 1899 года «Очерки Вишерского края» (Белдыцкий Н.П.) приводится рассказ проводника: «У вогул вон на том камне, Молебным зовется, моления бывають и идолы есть. Они купят на Алинском приишке (приишк купца Алина на реке Посьмак, притоке Вишеры) лошаадь и заколот там. Нынче с приишка один русский идола у них украл и в Чердынъ увез, они его убить хотят. В потайных местах они шайтану деньги кладут, я сам не раз находил».

Весь XX век сакральный статус Молебного камня не интересовал ученых, даже известный этнограф Чернецов В.Н., побывавший в этих местах в 20-х и 30-х годах, ничего не пишет об этом хребте. Упоминание о нем находим лишь у туристов да у пермского краеведа и исследователя манси Мальцева В.А., большая часть собранных материалов которого, к сожалению, утеряна. Вот что пишет ему в письме 1977 года Анямов Роман, житель Тресколья: «Ойка-Чахль, оказывается, действительно очень старая священная гора. Только недавно я узнал об этом, распросив братьев Володю, Леньку и отца. Их

▼ Верховья реки Вижай

▼ Вид с кургана на восток

насчитывается три горы — Ойка-Чахль, Эква-Чахль и Хуць-Ойка. Манси приезжают к подножью горы помолиться и сделать жертвоприношение, но на гору —

хоть одну из них — нельзя заходить под страхом смерти. Поклоняются этой горе не только манси Анямовы и Бахтияровы, но и порой манси других фамилий. Приносят в жертву не только оленей, но и лошадей». В начале нашего века опять же пермские туристы и краеведы описали Молебный камень, перевал и курган на нем: «При внимательном осмотре вблизи этого кургана можно обнаружить несколько старых переложенных камнями костровиц. Видимо, это те места, где устраивались ритуальные трапезы и подалось мясо жертвенных оленей, а в редких случаях и лошадей. Об этом, собственно, и говорит нам само название — «Пурлахтын», то есть трапеза, священная еда. А само место Пурлахтын-сори можно перевести как «перевал, на котором устраивается трапеза» («Покинутый мир чердынских манси». А. Карцев, А. Казанцев). Обратили внимание на это место и ученые-этнографы. Вот что пишет чешский исследователь Томаш Боукал: «Про это интереснейшее священное место мне рассказывал мансийский охотник из поселения Кимчупапуль (Юрта Бахтиярова). Местность называется Ялпынг-нер и состоит из трех главных вершин: Ойка-чахль («Мужчина-вершина»), Эква-чахль («Женщина-вершина») и Хуць-ойка (находится на хребте Муравенный камень). Эти горные вершины считались богами, ни мужчинам, ни женщинам нельзя было подниматься на них. Между Ойка-чахль и Эква-чахль находится место, называемое Пурлахтын-сори. На нем манси проводили жертвоприношения оленей, варили и упо-

требляли в пищу их мясо. В жертву приносили сразу нескольких оленей. Самый старый мужчина разделял мясо на куски. Кости, рога и шкуру оставляли на месте. Люди не разбегались, пока все мясо не было съедено. На жертвоприношения собиралось до 50–60 манси даже из удаленных мест. С собой привозили и своих богов, которые хранились дома в священных амбарчиках, «ура-сумьях». Женщинам на такие места ходить было не положено, а при приближении следовало закрывать лицо платком». Историк Илья Абрамов в своей статье «Молебный камень: сакральный ландшафт манси» пишет: «Две самые высокие вершины хребта обозначают почтенного Старца Урала и его супругу — Ойка-чахль и Эква-чахль. Мужская и женская вершины расположены так близко друг к другу, что скорее соединены, чем разделены седло-

▼ Найденные браслеты

▲ Долина реки Хомгилохья. Вид с западного склона кургана

виной Пурлахтын-Сори. Это самая почитаемая часть хребта, на которую у манси был запрещен подъем, кроме дней праздника. В эти дни проводился ритуальный забой оленей и лошадей. Для праздника специально отливали из металла фигурки лошади с оттиском монеты. Капище функционировало вплоть до середины 1990-х гг. Автор лично общался с манси, который уже в XXI в. вывез оттуда большой клепаный котел из меди и сдал его на лом... На перевал допускались только мужчины. В дни праздника пастухи съезжались с окрестных гор, а не занятые в оленеводстве мужчины специально поднимались в горы из поселений. Во время же перекочевок оленеводы огибали хребет. Держать оленей на пастбищах священного хребта имели право только местные манси, в первую очередь род Бахтияртовых, который является официальным собственником этих земель по царской грамоте от 1774 г. ».

В августе 2020 года это священное место мы решили посетить с местным краеведом Сергеем Шевелевым из Ивделя. Наш интерес также подогревала история, рассказанная местным охотником, что якобы некие тури-

сты нашли в камнях кургана «витой серебряный обруч и какие-то висюльки». Дорога от бывшего поселка Тохта идет на северо-запад вдоль реки Тохта в верховья, к так называемой «Восточке», уже не существующей базе геологов. Наш подготовленный УАЗик с трудом преодолевал ужасную дорогу с глубокими колеями, камнями, бродами, торчащими бревнами от разбитой лежневки. Машину мы оставили в районе горы Овынгъяур, откуда по юго-восточному склону хребта Масишальнешпаттуил (на карте ошибочно, правильно по-мансийски Мансипалнёлпаттумп — «гора на отроге с мансийской стороны»), пошли пешком вдоль верховьев реки Вижай и далее вверх по безымянному ручью, текущему с перевала, всего около десяти километров. Наш путь пролегал по живописным предгорьям Урала. Мы преодолели верховые болота, курумники, перешли вброд верховья реки Вижай, текущей несколькими ручьями среди камней в красивой лесной долине. В этом году в тайге был неурожай ягод и кедровых орехов, черника и голубика уродились только в предгорной зоне, выше границы леса. Судя по обилию следов и помета, медведи знали об этом, за два дня похода мы повстречали четверых. Двух видели издалека, на двоих пришлось пошуметь. Молодой ретировался быстро, а матерый мишка ушел нехотя, недовольно оглядываясь на непрошенных гостей. Лагерь разбили у скальных останцев в верховьях ручья, на границе леса, где есть дрова и вода, отсюда до перевала с курганом (на карте высота 981) еще около трех километров. Переночевали в невсысоком березняке, с искривленными от ветров и морозов стволами, и утром отправились в горы.

Путь по высокогорной тундре не представлял трудности, и через час мы подошли к восточной стороне кургана. Он представлял собой нагромождение камней высотой около 30-ти метров, как будто огромный самосвал высыпал груды больших валунов. Западная часть кургана представляла крутой обрыв в долину реки Хомгилухи, притока Мойвы. Это уже Пермская область и территория Вишерского заповедника, о чем оповещала табличка, стоящая на перевале. Обойдя курган вокруг, мы остановились у его южной стороны, возле небольшой полянки среди камней у самого подножья, на которой явно кто-то рылся во мху. Тут же наше внимание

привлек небольшой кусочек ржавого металла, лежащий прямо на поверхности плоского валуна, видимо, это был обломок ножа. Тот факт, что ржавое пятно прочно ввелось в поверхность камня, говорил о том, что этот предмет пролежал здесь несколько сотен лет. Мы начали обследовать расщелины камней выше этой полянки, благо, что не было ни растительных остатков, ни даже пыли. Находки не заставили себя ждать: железные наконечники стрел разных форм, обломки ножей, несколько рыболовных крючков лежали прямо в щелях между камнями. Нашлись даже обломки металлической чаши с орнаментом. Все находки были в камнях на несколько метров выше поляны, поиски на вершине и других склонах оказались безрезультатны.

Специалисты Ивдельского музея, куда мы передали все находки, определили их возраст 10–12 веками, а тот факт, что среди них присутствовали наконечники стрел и крючки, говорит о том, что в этом месте совершали обряды охотники и рыболовы. Это противоречит выводам Ильи Абрамова, который писал: «Молебный Камень всю обозримую письменную историю находился внутри ареала обитания манси, недалеко от важного волока с Вишеры на Лозьву. Он мог стать настоящей святыней только для представителей кочевой культуры. Для охотников и рыболовов этот затерянный в верховьях реки хребет был за пределами промысловых угодий, на границе ойкумены. Ни с Лозьвы, ни с Вишеры его не видно, он замечен только с горных притоков. Поклоняться такой святыне проблематично, тем более когда есть береговые скалы и пеицеры. Освоить горную тундру можно было только при наличии транспортных животных». Мы не обнаружили возле кургана ни остатков костровищ, ни других признаков жертвоприношений манси. Если бы они каждый год собирались на этом месте для описанных выше праздников, то сохранились бы следы их пребывания — бутылки, кости, рога оленей, остатки посуды и т.д. Протяженность седловины перевала — 2–3 километра, видимо, место молебний манси находилось где-то в стороне от кургана и ждет своих исследователей. **УС**

▼ Наконечники стрел, рыболовные крючки и рыболовное грузило

▼ Чаша с орнаментом

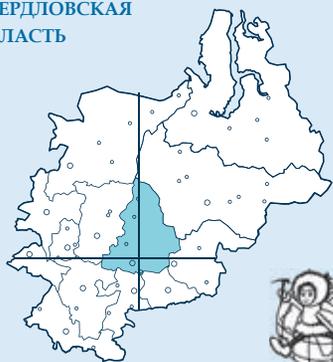

Встань и гребь!

Гребле с веслом уже не одна тысяча лет. Человек всегда стремился преодолеть стихию, ведь испокон веков это была необходимость выживания. Трудно сказать, кому первому пришла мысль встать на деревяшку, взять в руки палку и поплыть по волнам, но однозначно — мера была вынужденная. И только в середине двадцатого века, с развитием научно-технического прогресса, это стало развлечением и спортом, способом получения новых впечатлений и свободы передвижения.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Серафим Чернонос

Окончил Волгоградский Государственный Технический Университет, работает на производстве. В Екатеринбурге живет с 2016 года, и с этого же времени влюблен в активный туризм во всех его проявлениях. Увлекается фотографией, интеллектуальными играми и рок-музыкой.

«Модная забава»

SUP-серфинг (англ. *SUP* — *Stand Up Paddle*), или же сапбординг — водный вид спорта, дословно означающий «стоя на доске с веслом». Поэтому некорректно называть доску «сап» — аббревиатура означает лишь способ передвижения.

В России SUP-серфинг развивается с 2010 года. В Екатеринбурге такой вид активности появился не так давно, всего лишь в 2018 году, но уже обрел своих почитателей. Для интересующихся есть немало возможностей попробовать и протестировать. Экскурсии по городским прудам, прогулки на озерах и даже однодневные сплавы по летним рекам — вариантов, казалось бы, на любой вкус. Я тоже приобщился к этому движению и, единожды попробовав, уже не смог остановиться. Пусть скептики качают головами, смотрят свысока и считают это модной забавой гламурной молодежи. Где всем виден хайп и лайки в соцсетях, я увидел огромный потенциал и решил раскрыть его в максимальной мере своих возможностей. Итак, день, когда я впервые встал на доску, остался далеко позади, и мною решено — идем на на-

стоящий майский сплав, на максималках — никаких гламурных даунриверов.

Катамаран, байдарка и каяк — признанная классика водных походов различных категорий сложности. В нашем регионе есть огромная культура водного туризма, Урал известен сплавами в широких туристических кругах. Эти сплавные средства изучены, отмечены все «плюсы» и выявлены недостатки. Но информации про сплавы весной на досках на просторах всемирной сети нет. Что же, пускай хохочут невежды и ухмыляются мудрецы, будем познавать все на своем опыте. Цель ясна и конкретна — доказать, в первую очередь себе, что этот вид спорта не только развлечение на спокойной воде, а настоящему активное и увлекательное занятие. Записываюсь в знакомую группу и начинаю собирать рюкзак. По снаряжению не выдумываю ничего необычного. Стандартный комплект водника на весенний сезон — гидрокостюм, ветрозащита. Насчет полезности резиновых сапог во время сплава сломано немало копий, и сам я предпочитаю надевать легкие кроссовки. Все равно кругом будет вода, а неопределенные но-

дить гермбаулы, надежно закрепить их на доске. Стандартные грузовые крепления есть на носу, но на корме они бы подошли тоже. Нужно отметить этот момент и потом модернизировать. Соблюдаем правило — каждая вещь должна быть привязана или пристегнута к лееру. Иначе, что упало — то пропало.

Даже после всех приготовлений остается еще немало времени. Чтобы празднично не шататься среди суеты сборов, можно спокойно позавтракать. Свежесваренный кофе, пение птиц и шум бурной реки идеально дополняют магию майского утра. Солнце начинает выглядывать из-за верхушек деревьев, и его лучи топят утренний иней.

Руководитель (традиционно во время сплава нарекаемый Адмиралом) собирает группу и всех инструктирует о порядке движения и сигналах. Наше

маленькое звено занимает место в середине строя эскадры, в порядке своей очереди сходим на воду и начинаем поход вниз по течению.

В комплект каждой доски входит страховочный лиш (англ. *leash*), представляющий собой гибкий шнур, который крепится к гребцу для соединения с доской. Это предназначено во избежание потери доски в ветреную погоду и на волнах. На гладкой воде озера этим правилом часто пренебрегают. Обычно манжета застегивается на щиколотке, но при сплаве по бурной реке оптимально будет в целях безопасности закрепить его у колена, а лучше на поясе. В ситуации, когда после падения в воду будет безопаснее отстегнуться от доски и выбраться самостоятельно, манжета в любом положении окажется под рукой и расстегнуть ее станет делом секунды из любого положения.

ски неплохо держат тепло. Конечно же, обязательно снаряжаем гермосумки. Вещи, особенно спальный мешок и защитная одежда, при любой ситуации должны оставаться сухими. Необходимость и обязательность спасательного жилета обсуждению не подлежит совсем.

Только ты и весло

И вот ночная заброска позади, мы прибыли на место старта. Начинаем готовить сплавные средства к спуску на воду. Сразу же становится ясен первый плюс сапбординга — пока вся команда разгружает катамараны, собирает раму и надувает баллоны, я легко подхватываю рюкзак весом 12 килограмм, разворачиваю шкуру доски на поверхности земли и присоединяю насос. Десять минут ритмичной работы, набиваем давление — и готово. Благодаря современным материалам мягкий и гибкий ПВХ после накачки воздухом приобретает жесткость, сравнимую с деревянной доской. До максимума возможного накачивать нет смысла — запаса твердости и так с избытком. Надевать гидрокостюм так рано совершенно не хочется, но еще нужно снаря-

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ

БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

Течение набирает внушительную скорость, и даже грести вперед нет необходимости. С внушительной скоростью пролетаем мимо неподвижных деревьев на берегу, держимся потока, не сбиваясь с курса. Русло реки сильно петляет и нужно быть во внимании. Глазеть по сторонам и фотографировать не получается. На катамаране всё же восемь пар глаз, и видеть они могут во столько же раз больше. Но в то же время сгладить экипаж — непростая задача для начинающего капитана. На доске есть только ты и твое весло. Скорость, маневренность и управляемость на высоте. Сразу же становишься с доской единым целым и на каждое действие получаешь мгновенный отклик. Поверхность воды располагается всего лишь в нескольких сантиметрах от ног, и это помогает лучше чувствовать воду, слиться с потоком и стать частичкой течения. И как только проходит первая неуверенность, когда понимаешь характер реки, то можно уверенно вставать в полный рост.

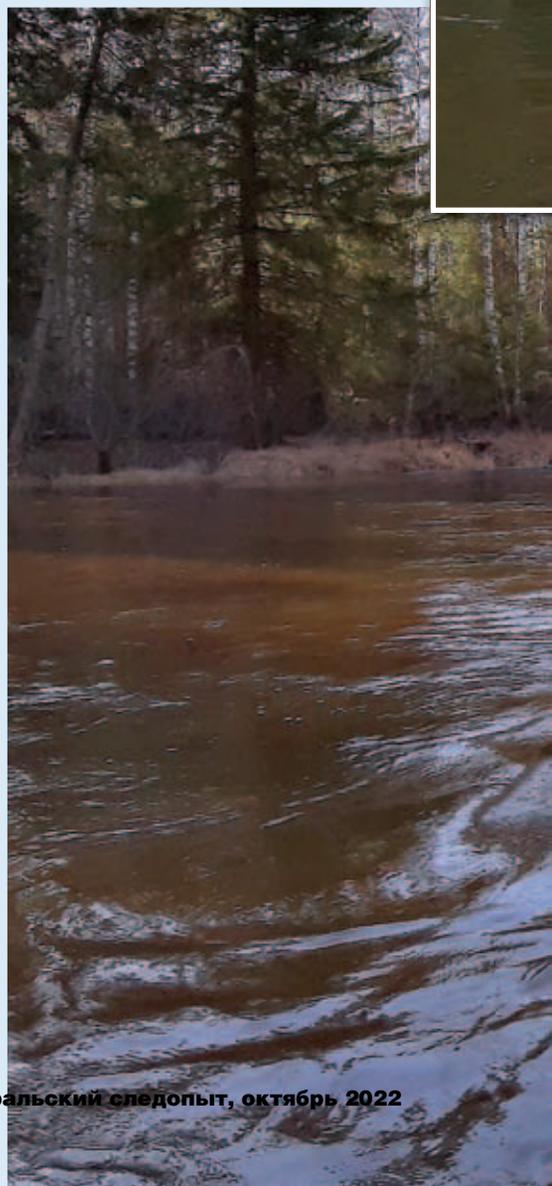
80 с лишним километров в пути

От падения не застрахован никто, и к этому нужно быть готовым. Но хочется отметить, что никакое падение не случается просто так. Ему всегда предшествует ослабление внимания и концентрации, резкие движения. Все это приводит к потере равновесия, и, если вовремя не занять устойчи-

вое положение на коленях, купание неизбежно. Однако панически бояться этого не следует, человек в воду в таком случае входит вертикально, ногами вниз, и, если спасательный жилет надет правильно, а страховочный лишь привязан, то ничего страшного не произойдет. Всегда крепко держите весло, это ваш инструмент и ваше орудие. Залезаем на доску и продолжаем. А то, что все вещи должны быть надежно закреплены на поверхности, мы помним, правильно?

Возникает соблазн взять в руки байдарочное весло, сесть на колени и грести, словно в каяке. Это заблуждение, и не стоит идти у него на поводу. Эффективность гребли будет значительно меньше, чем со штатным, односторонним длинным веслом. Сабординговое весло разработано специально, к тому же необходимо правильно держать его в руках. Другой стороной грести получится совсем неэффективно.

Позади несколько дней похода и больше восьмидесяти километров пути. Из тесноты скальных ущелий берегов река вырывается на равнину. Течение замедляется, и на широких плёсах набирает силу встречный ветер. Капитан Врунгель называл такой курс «вмордувинд», и значение этого слова полностью противоположно по смыслу современному термину «даунвинд». Самое время вспомнить теорию и технику греб-

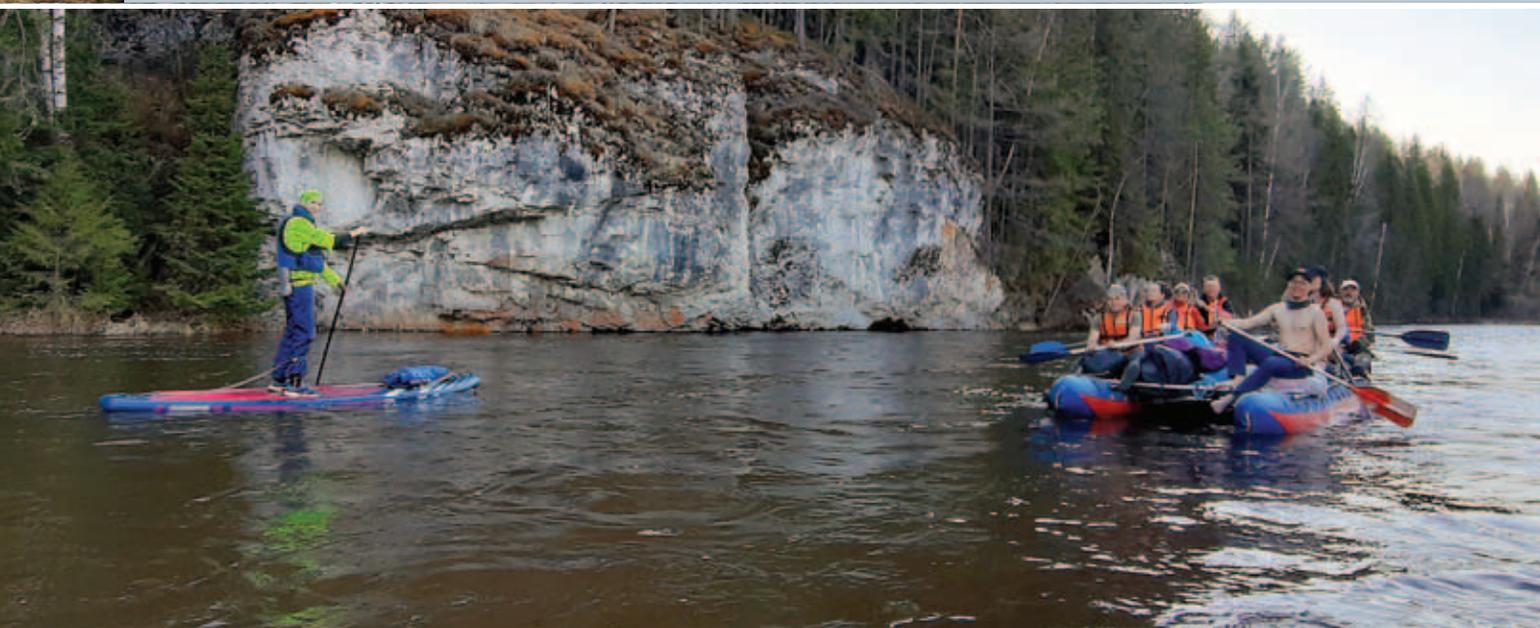
ли. Нагонная волна качает доску, ветер пытается повалить с ног, но мы стоим крепко и мощно налегаем на весло. Это наша третья точка опоры, которая не дает упасть и заставляет двигаться вперед. Делаем короткие, но мощные гребки, меняем руки и набираем скорость. Не торопимся, но и не сбавляем темп, метр за метром начинаем отмерять пройденную дистанцию. Ветер здесь не помеха, а скорее отягощение для тренировки. Через час, встав на твердую землю берега, мы все еще чувствуем качающуюся

под ногами поверхность. Несмотря на усталость, организм получает заряд бодрости. Телу пришлось хорошо поработать и задействовать почти все группы мышц. После такого остается только заявляться на гребные марфоны, отныне и такие дистанции будут нам по плечу.

Разобрать доску занимает гораздо меньше времени, чем собрать вещи и переодеться в чистую сухую одежду. Насосом двойного действия откачиваем лишний воздух из полости, для компактности укладки, разбираем вес-

ло и снимаем плавник. Осталось свернуть оболочку таким же способом, как она была уложена изначально, и запаковать все в рюкзак.

В следующем году в привычное время состоится фестиваль «Майский экстрим». Зрители и болельщики в центре Екатеринбурга будут любоваться зрелищными соревнованиями туристов-водников. И, кто знает, может быть в ровный строй катамаранов и каяков встанут красивые ребята с яркими надувными досками и длинными веслами?! **УС**

В поисках следа Полоза

Аргази

Из жаркого, душного города из асфальта и бетона всегда хочется вырваться на природу, желательно — поближе к воде.

Встречный ветер

Дмитрий Жданов

Мастер на промышленном транспорте. Увлекается фотографией. Любит путешествовать по Уралу.

В этот раз из множества уральских рек, озер и водохранилищ мы выбрали Аргази или, сухим техническим языком, Аргазинское водохранилище, расположенное на реке Миасс в границах Аргаяшского района и Карабашского городского округа в Челябинской области. К сожалению, рядом расположен Карабаш — город с негативным экологическим прошлым. Но тем не менее...

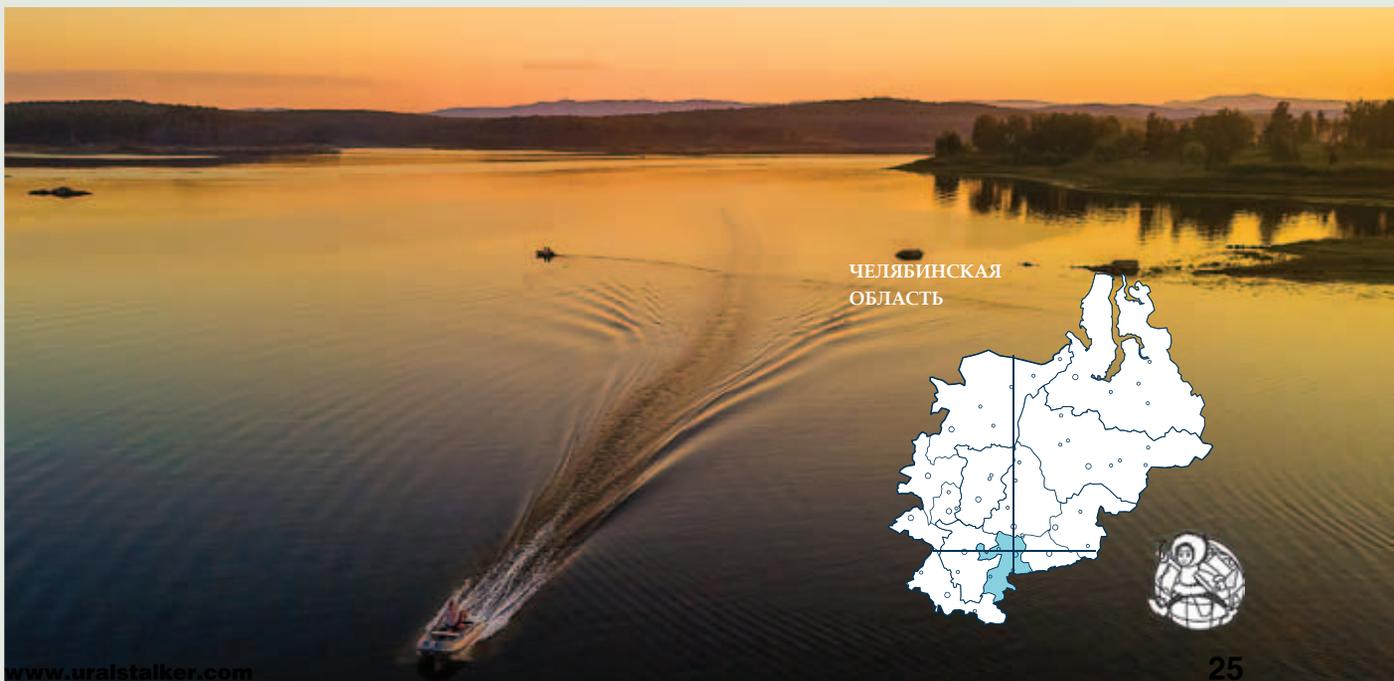
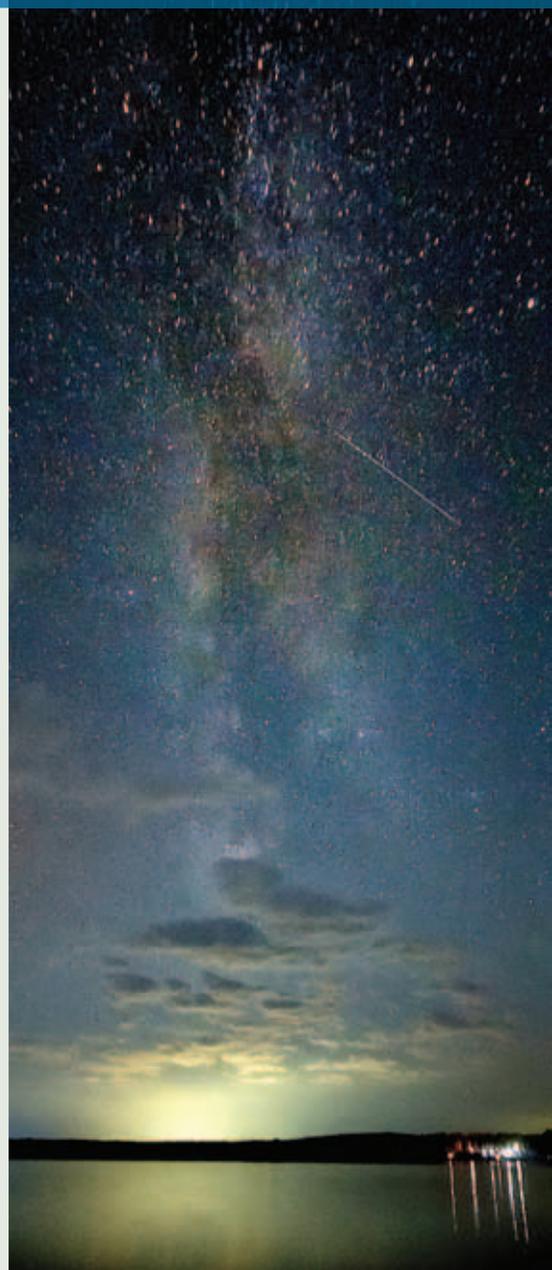
Первая плотина на реке Миасс чуть ниже озера Аргази была построена в 1853 году и к 1910 году площадь «зеркала» водоёма составляла 61 кв. км. Плотина пережила несколько реконструкций, и в середине 1970-х годов началась новая реконструкция, которая закончилась лишь в 1982 году. Длина плотины увеличилась до 1500 м, а высота — до 15 м, площадь зеркала составила 113 кв. км. Плотина расположена в селе Байрамгулово. Так и получилось, что озеро «выросло» до размеров водохранилища.

С 1961 года Аргазинское водохранилище является гидрологическим па-

мятником природы Челябинской области. На водоёме выявлены редкие виды растений и животных, занесенных в Красную книгу Челябинской области: гребенчатый тритон, красотка-девушка, бороздоплодник многораздельный. На берегах водоёма «встретились» два природных пояса — леса на склонах Уральских гор и холмистая местность Зауральского пенепплена.

Аргази известен своей уникальной изрезанной береговой линией и множеством островов. В эти жаркие дни, когда мы были там, многие из островов были заняты туристами и рыбаками. «Островитяне» заселяются на несколько дней, а порой и недель. На глади воды мелькают и лодки рыбаков и сапы туристов, попадают и байдарки туристов-водников.

Люди жили в окрестностях Аргази со времен неолита, что подтверждают многочисленные археологические находки на берегах и островах водоёма. Найдки начинают датироваться с времени позднего палеолита. На одном

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

из островов обнаружены древние писаницы — подтверждение того, что жизнь на берегах озера кипела с давних времен.

Как и у многих уральских достопримечательностей, у Аргазии есть своя легенда, связанная с Полозом — змеёй длиной в несколько метров. Некоторые местные жители рассказывали, что встречали огромную змею, а также наткнулись на её след в болотах.

К сожалению или к счастью, с легендой озера я не встретился. Но зато пополнил свою коллекцию фотографий пейзажами Аргазии и окружающей живой природы.

Вот такая водная достопримечательность находится в 200 км от Екатеринбурга и в 93 км от Челябинска. **УС**

Школа народной культуры

Девяностые Екатеринбург
рождались в восьмидесятах
Свердловска. Доперестроечные
предчувствия и ожидания
породили в различных областях
культуры и общественной жизни
города немало ярких явлений
и личностей.

► Здание ШНК по адресу:
ул. Набережная рабочей молодежи, 24

Пролог

В это время споры «демократов» и «патриотов» о векторах развития страны на дискуссионной трибуне собирали полные залы. В 1986 году в музыкальной жизни были легализованы рок-клубы. Первые открытые выступления проводили «Наутилус», «Чайф», «Настя» и другие группы. Поэт и публицист Илья Кормильцев успел демонстративно отказаться от премии Ле-

нинского комсомола. Александра Пантыкина в узких кругах уже называли дедушкой русского рока. Режиссер Николай Коляда написал свои первые пьесы и мечтал о создании нового театра, приближенного к настоящей жизни. Поэты вручную издавали самиздатом книжки, собирались в «нехороших» квартирах и читали свои стихи, часто ночи напролет. Поэт Евгений Касимов так и назвал одну из своих книжек: «Нехорошая квартира». У него часто собирались поэты, художники и музыканты. Свердловское подполье было артистичным, оно выглядывало на улицы, а его лидеры становились слышны и видны.

В складках индустриального города прятались острова бесхозных и незаконных «вороньих слободок», домов «под снос» и «бараков», где незаконно селились или законно жили «вольные» молодые художники, куда любили захаживать поэты и философы, наведывались начинающие кинематографисты. Местом паломничества неформалов стали обиталища художника-сюрреалиста Валерия Гаврилова (бревенчатая развалюха на Горького, 22), «старика

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Андрей Бобрихин

Этнограф, культуролог, заведующий сектором Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Выпускник философского факультета УрГУ, работал директором Свердловского областного Дома фольклора, замдиректора Музейного центра «Гаман», доцентом в Институте искусств РГПУ. Сфера интересов: художественные системы древних и традиционных обществ, наивное искусство.

◀ Творческая интеллигенция на фольклорном вечере

▲ Участники фольклорной экспедиции 1987 года. Фото И. Подвысоцкого

Б.У. Кашкина» (дворницкая на улице Толмачёва, 5), Виктора Махотина (барак на Ирбитской, 10). Художники-нонконформисты, альтернативные театры, барды-диссиденты, музыкальные хулиганы, рок-музыка, патриоты и политичесенники, открытые и закрытые кинопоказы — сообщества возникали, перемешивались и сплачивались на разного рода конфликтных, дискуссионных и альтернативных площадках.

Очагами, в которых вызревали новые общественные практики, социальные движения и народная активность, были разного рода конфликтные коллизии, в первую очередь — охрана памятников, неофициальные арт-активности и альтернативное образование. Первое заседание Дискуссионной трибуны было посвящено охране памятников истории и культуры Свердловска. В начало девяностых свердловчане, ощутив политическую субъектность, входили опьяненными маленькими победами и завоеваниями — состоялось несколько резонансных неподцензурных выставок, родились политически активные альтернативные художественные сообщества и площадки.

Эти условия определили облик и стилистику рождающихся институтов и практик, в том числе фольклорных, народных. Десятки бардов, кэспешников и политичесенников создавали актуальный фольклор и эпос времени. На улицы вышел художественный андеграунд. Художественная жизнь становится публичной, а уличная жизнь становится художественной, игровой, спектаклярной. Для самостоятельных песенных коллективов ан-

► Полевая работа в экспедиции. Фото И. Подвысоцкого, 1987 г.

деграундом был аутентичный фольклор. В 1980-х в УрГУ создавался клуб и ансамбль политической песни «Варшавянка», который после нескольких поездок на зарубежные фестивали и с приходом в ансамбль выпускника консерватории Владимира Теплова обрёл фольклорную окраску. Дух этого движения несколько сумбурно выражают тогдашние студенты — активисты уличных акций: «Фольклор — наши духовные корни, связь времён, наша память. Не представляя, не понимая этого, легко оказаться человеком, «не помнящим родства», космополитом, которому безразлично, что носить, что слушать и за-

щипать. Интернациональная песня, зовущая к равенству, братству, солидарности, лучше всего может быть решена на национальной, народной основе». (Лохтин Е.). Филологи, музыканты и художники, недавно отстоявшие исторические здания в центре города, отправились в фольклорные экспедиции на Русский Север с А.М. Мехнецовым (известный фольклорист, профессор Санкт-Петербургской консерватории), а затем и в уральскую глубинку — самостоятельно. И появляется интуиция того, что фольклор — это не столько язык улицы, и уж, конечно, не репертуар концертных выступлений, а миро-

▼ Хороводы у школы

воззренческая система, аксиология, онтология, этика и эстетика отечественной культуры.

Участники клуба «Варшавянка», ансамбля политической песни «Смена» и фольклорного ансамбля УрГУ, отстоявшие «дом Фальковского», после нескольких фольклорно-этнографических экспедиций при содействии Г. Бурбулиса создают государственное учреждение культуры «Свердловский областной дом фольклора» в 1988 году.

Дом фольклора

Свердловский областной Дом фольклора стал крупнейшим методическим центром по традиционной народной культуре, в который пришли работать участники описанных выше событий рубежа десятилетий, выпускники УрГУ и консерватории, филологи, лингвисты, музыканты и инжене-

▲ Занятия в школе народной культуры. Фото Н. Боченина, 1993 г.

◀ Дом фольклора в середине 90-х размещался в бывшем особняке купцов Степановых (ул. Горького, 33)

ры. Самими активистами молодёжного фольклорного движения факт создания Дома фольклора оценивался почти как чудо.

В Свердловске и уже в Екатеринбурге, в 1989–1991 годах, появляются несколько площадок, решающих сходные задачи: какими способами приобщать детей и взрослых к незнакомому миру традиционной крестьянской культуры? Каким образом создать благоприятную среду для естественного функционирования фольклорных произведений и непринужденного усвоения их детьми? Как передать эмоциональный полевой опыт, инсайты, полученные в экспедициях?

Вскоре перед фольклористами возникают новые задачи и появляются новые тенденции: обучение детей, сформулированное как «освоение» народной культуры как этике и способу социальной организации, становится комплексным, оно оснащается методическим инструментарием и обогащается методологической рефлексией. Возникает проект специализированной «Школы народной культуры». К середине 1990-х годов педагогическое направление, ориентированное на традиционную культуру в России, сложилось во вполне самостоятельную область социокультурной деятельности, со своим кругом общения, проблемами, публикациями, конференциями и семинарами.

Острота социально-политического высказывания неформальных художников разного рода постепенно сошла на нет, творческие поиски вернулись в эстетическое русло, бывшие бунтари

▼ Мастер-класс

▲ Наставник

и ниспровергатели влились в институционализированное пространство.

Кредо педагога

Я пришёл, а вернее — приехал, в Школу народной культуры в 1992 году. В новосибирском Академгородке я работал в детском саду, сотрудничал с несколькими педагогическими лабораториями, входил в правление творческого союза учителей и разрабатывал модель национально-ориентированной школы. В Новосибирске активно действовал Фонд педагогических инициатив, в Доме ученых выступали педагоги-новаторы — Виктор Шаталов, Ольга Лысенкова, супруги Никитины, Шалва Амонашвили, общение с которыми высекло из меня искру собственного творчества. В Академгородке проходили фольклорные фестивали, в Академгородке ансамбль «КрАсота» начал создавать особую социальность — среду фольклорного сообщества, я следил за тем, что на этой поляне происходит в Красноярске, Вологде, Москве, Питере. К приезду в Екатеринбург я в общих чертах сформировал своё педагогическое кредо и основные направления концепции, ориентированные образовательный процесс на зримый практический результат и осмысленность существования ребёнка и взрослого в совместной деятельности. Так, например, в моём классе работа с текстами воплощалась в журналах и книгах, к концу четвёртого класса мы поставили «Алкесту» Еврипида, а климатические изменения не вычитывали из учебника «Природоведение», а наблюдали, нюхали и грызли в лесу.

Первый контакт со Школой у каждого педагога начинался с разговора с Владимиром Тепловым, инициатором школы. Неправильно было бы называть его автором школы — авторами были все: и учителя, и родители,

▲ Дмитриев день. Фото А. Лузенина

и дети, но Володя обладал неким магнетическим даром, когда в итоге общения с ним каждый педагог понимал: «Я хочу здесь работать, именно об этом я мечтал, и здесь воплотятся мои мечты и замыслы». При этом каждый мог видеть разное своё, а Володя ничего не объяснял, а эманировал ожидания. После такого многочасового разговора с Тепловым через месяц я поехал в Екатеринбург «на смотрины», а ещё через несколько был принят в школу учителем, а в трудовой книжке осталась запись «руководитель опытно-экспериментальной работы».

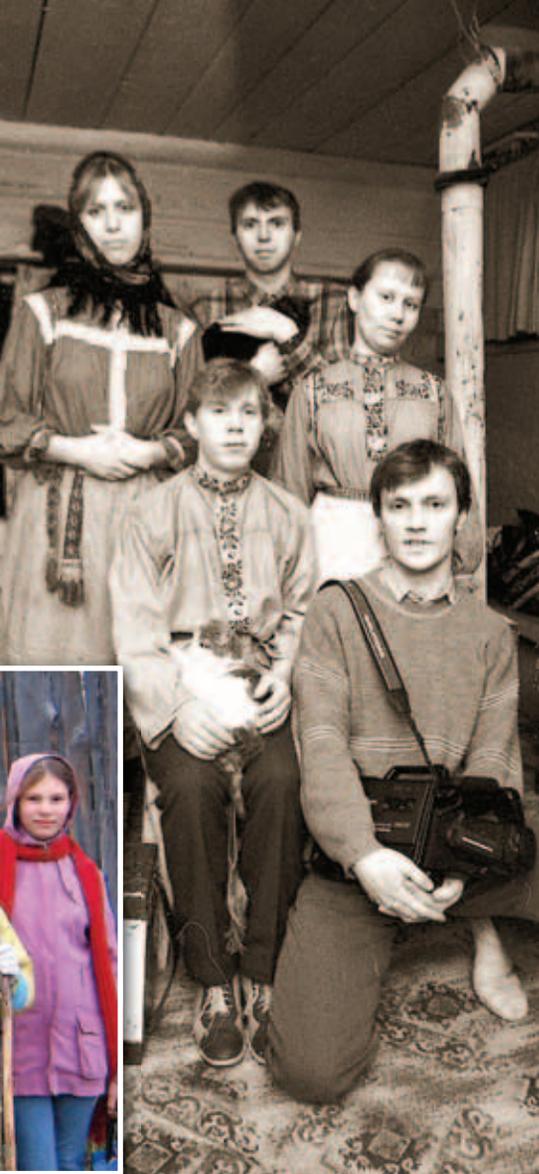
Говорят, первые впечатления — самые верные. Меня порадовало то, что увидел, как в Школе воплощена идея Френе «школа без стен и потолков», создающая совсем другую атмосферу и придающая другой смысл и общению, и обучению. Совсем другая роль родителей в школе создавала пространство «клубности» по Щедровицкому, обеспечивавшее зону актуального развития. В Школе было много практики, дети занимались самообеспечением, пилили и кололи дрова в лесу (по-

путно осваивая свойства веществ и материалов), добывали воду и съедобные дикоросы, сажали сад во дворе «Дома на Набережной», стряпали и пекли еду в русской печи, осваивали навыки полевой этнографии, по возможности реконструировали промыслы (так, в Полднейвой мы разузнали об исчезнувшем гончарном промысле, расспросили информантов, узнали, где добывать глину, соорудили гончарный круг, крутили посуду и лепили игрушки). Там же в Полднейвой исследовали мраморный карьер, изучая осадочные породы минералов, биоценоз карьера и прочая, и прочая. Каждый год по несколько раз мы ездили в экспедиции и даже строили этнокультурный комплекс в Деево, и жили там по несколько недель, сажая

ли огород и сад, добывали бересту и делали украшения, изучали биологию, астрономию, физику и основы медпомощи, топили берёзку на Семик, играли в лапту на Троицу. В городе по вечерам родители собирались на вечерки и разучивали кадрили и хороводные игры. А какой в народных играх психотерапевтический потенциал — никакие Т-группы и тренинги не нужны!

Жизнь в Школе была организована на основе народного календаря — от Симеона Столпника до Троицы, и это не было тупое копирование месяцеслова, а осмысленное внедрение ритма труда и праздников как рефлексии трудовых (учебных) действий — на ярмарках демонстрировались плоды учебных трудов, осмысливались и фиксировались в мыследеятельности смыслы и символы культуры и общества. К сожалению, у Школы не было своего помещения, занятия проходили в арендованных классах — в «кораблике» на «Динамо», в школах №№ 10 и 106, в вечерней № 28. Самое тёплое и дорогое место для всех ШНКовцев — это домик с садом на Набережной Рабочей

◀ Участники фольклорной экспедиции в д. Большая Коча, фото 1991 года

В самом начале было создано 4 класса начальной школы, затем с каждым годом добавлялось по одному классу. В программе обучения, кроме общеобразовательных предметов, были такие, как «Славянская азбука», «Фольклор», «Народное ремесло». Главными внеклассными мероприятиями были традиционные народные праздники, вечерки, ярмарки, фольклорные фестивали. Очень скоро у всех преподавателей, детей, родителей были настоящие, своими руками шитые народные костюмы, которые они с удовольствием надевали на все значимые события народного календаря. Пели песни, водили хороводы, на переменах играли в народные игры... Все это были плоды семейного, теплого, душевного единения. Всей школой совершались выезды в села Свердловской области – Красная Слобода, Таволги, Деево – на традиционные народные праздники: Рождество, Масленицу, Троицу. Всенепременными участниками таких экспедиций были дети, учителя, родители, работники Областного Дома фольклора. И вот в деревне мы погружались в среду народной жизни во всей полноте. Ходили в гости к деревенским жителям, знакомились с их бытом, укладом жизни, постигали секреты ремесленного мастерства гончаров, ткачих, плотников. А вечером пели народные песни, играли в игры. Самым ценным, на мой взгляд, в этом педагогическом эксперименте была его живая, искренняя ориентация на погружение в истоки народной жизни. (Касимова Е.)

Тепловы в итоге кардинально поменяли сферу деятельности и уехали из Екатеринбурга. Назначили нового директора со стороны, затем другого (бывшего военного). Затем областной Минкульт потерял право создавать и курировать общеобразовательные школы. ШНК передали в муниципалитет, а это уже другой масштаб и формат. Мы восемь лет шли против течения, ведь «русское» и «народная культура» в первой половине 90-х были не в чести, а когда наступили «патриотические» времена, опыт подобного воспитания никого не заинтересовал... Школа имела период бурного становления, пережила свой расцвет, затем кризис и новое становление, когда ее ученики стали побеждать на городских олимпиадах в гуманитарных и естественных дисциплинах. Но в «период укрупнения образовательных учреждений» ШНК окончательно потеряла свою самостоятельность, войдя в структуру гимназии «Арт-Этюд». В моем компьютере хранится «концепция русской национальной школы», которая, надеюсь, ещё будет востребована. И каждый год по несколько раз я бормочу стихотворение Саши Чёрного «Дом в Мюнхен-ранси»:

Дом – как ковчег.

Фасад – кормой широкой.

По сторонам молчат стволы в плече,
У стенки – кролики, площадка для песка,
Вдали полого-изумрудная лужайка...

Кружились дети легким хороводом
И пели песни. Русские слова...
Так дружно топотали башмачки,
И, так старательно напев, сплетали губы.

И что сказать? Дом этот обителей – наш,
В нем русская надежда зацветает.
Во имя русских маленьких детей
Я пред тобой снимаю молча шляпу. ☒

▼ Педколлектив школы на семинаре

молодёжи, 24, но там было всего три классных комнаты и столовая у печи в цокольном этаже, поэтому ярмарки и праздники проходили в ДК Автомобилистов и ДРИ на Пушкина. Впоследствии школе предоставили помещение бывшего детского сада на Фрезеровщиков, у детей и педколлектива в просторах помещений начали раскрываться крылья с мечтами о реализации грандиозных замыслов...

Загадка озера Энетор

▼ Карта нижней Конды с найденными богатырскими городками

Поиск городищ остяцких богатырей

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Мы долго приглядывались к Энетору и прибрежной остяцкой деревушке — Нюркою. Там должна была продолжиться серия открытий богатырских мест, о которых повествуют остяцкие героические сказания, записанные учеными Паткановым и Шульгиным еще на рубеже XIX-XX веков.

Илья Абрамов

Научный сотрудник центра этноистории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург.

Фотографии автора

Эти места далеки и труднодоступны, однако добраться туда рано или поздно предстояло, исходя из поставленной цели: найти богатырские городки остяков, известные по преданиям. Мы придерживались гипотезы, что всякая озерная система, пригодная для рыболовных заграждений (запоров), характеризовалась в прошлом высокой плотностью древних поселений. Соседство древних городищ и рыбных мест нас не удивляло — примеров мы накопили достаточно, работая в Кондинской низменности с 2008 года.

В остяцких сказаниях упоминаются существующие до сих пор топонимы и собственные названия городков,

что наводило на мысль об их реальности и необходимости поисков на манер Трои. Так, уральскими археологами в 1993 году был найден былинный город Эмдер на реке Ендырь — грандиозное по меркам тайги укрепленное поселение. Согласно легенде эмдерские богатыри поднимаются по Оби и «красноводной» Конде до городка Карыпоспат-урдат-вош (*Karë pöspat-ürdat voš*), чтобы сосватать княжескую дочь. Название этой крепости с хантыйского переводится как «Богатырский город при Стерляжьей протоке». В 2018 году мы точно установили ее местоположение, опираясь на привязки, упоминаемые в самой былине («полуденный бе-

▲ Символ места

▲ Проводник Юрий Кобылин

рег священного сора»), а также сведения этнографов и краеведов. Это, действительно, оказался приметный мыс на южном берегу Кондинского сора. За прошедшие столетия Конда стесала большую часть городища, сохранился только фрагмент оборонительного вала и площадки. Но даже остатки впечатлили нас.

После неудачной битвы с эмдерцами карышоспатские братья-богатъри разъехались по Конде, основав новые городки. Столетиями спустя в фольклоре хантов они звались «старцами с вершины речки». Их призывали на помощь в трудные времена. *Pëtrou-iga* поселился на притоке Конды — Кама. Его брат *Num-iga* выбрал место для городка на болотной речке, которая питает Пушгинский сор и далее выводит в Конду. Открытых мест богатъри отныне избегали. Местонахождение осыяцкого укрепления описано в материалах экспедиции академика Г.Ф. Миллера (1740 г.).

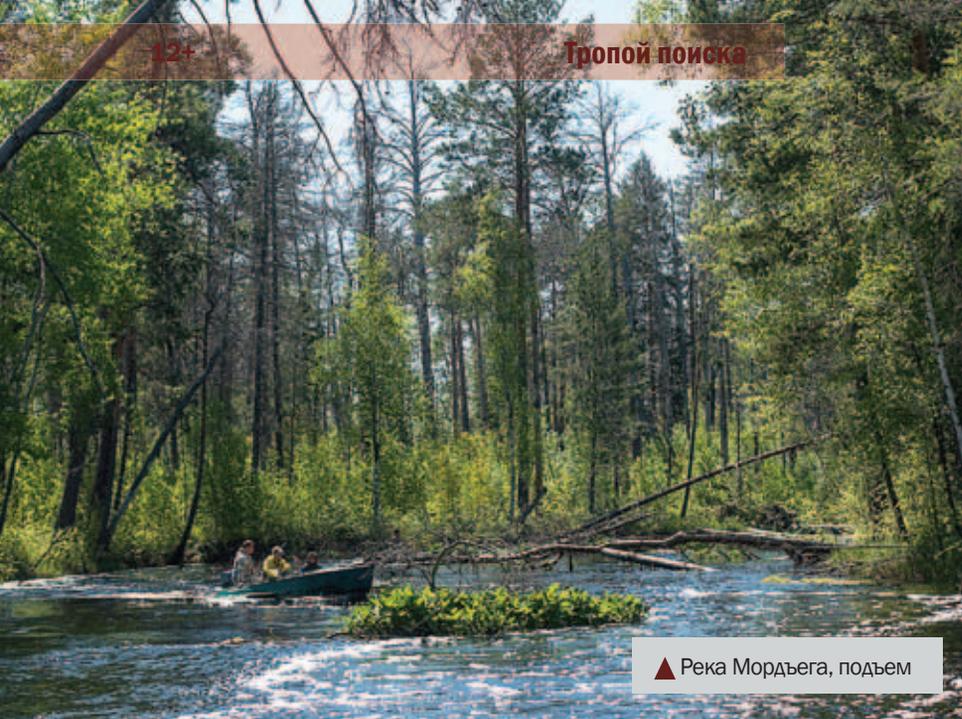

▼ Деревня Кама

▲ Река Конда, Пугольский городок

Мы целенаправленно занялись поиском последнего городища в 2020 году, сопоставляя фольклорные и письменные источники со спутниковыми снимками. И нас ждал успех! В глухой болотной местности мы обнаружили холм, не оставлявший сомнения в рукотворном происхождении. Высота до 4,5 м хорошо переключается с фольклорной высотой в семь копыевиц. Вош-ега-вош (*Voš-jega-voš*, с хант. «Город на городской речке») хорошо иллюстрировал средневековую стратегию сокрытия поселения. В том же году в низовьях реки Пушгинской были найдены еще два фольклорных городка — Ям-вош (*Jam-voš*) и Рут-вош (*Rut-voš*) — опять по привязке Патканова. Самый впечатляющий по размерам богатърский городок мы обнаружили неподалеку от старой деревни Пуголь. По сведениям Серафима Патканова,

▲ Река Мордъега, подъем

Как только последний ледник отступил и водотоки сплели современную гидросеть, Кондинскую низину или берега здешнего моря стал обживать древний человек. Он следовал за мигрирующими животными и ловил рыбу подсоб-

в этих местах почитали духа *Pūgol-iga*, однако в былинах сведений о нем уже не сохранилось.

В этом году нашей целью стал поиск «резиденции» старца *Pitrou-iga*, который, по данным Патканова, жил на небольшом холме неподалеку от Ньюковских юрт в районе озера Энтор. Ранее юрты так и звали по имени прародителя — *Pitrou-pūgot*. Мы отправились туда по проекту «*Легенды южных хантов: историко-краеведческое исследование*», поддержанному Фондом президентских грантов (руководитель Алёна Родионова, АНО «Малая родина»). Команду составили археологи Музея природы и человека из Ханты-Мансийска — Татьяна Соболяникова и Алёна Кузина, этнограф из Института истории и археологии Екатеринбург Илья Абрамов, а также два геодезиста Александр Уткин и Александр Шлыков. До нас из профессионального сообщества в этих краях никто не был. Проводником стал знакомый по прежним поездкам на Конду Юрий Кобылин из деревни Камы. На Энторе у него промысловая изба, но мы следовали на рыболовную базу, что стоит на истоке из озера. Она ближе к Ньюкою и обитаема. Сторож присматрива-

▼ На Мордъеге

ет за хозяйством и рыболовными запорами.

Имея богатый опыт обследования урочищ Конды, мы считали положение Ньюкою крайне выгодным с точки зрения рыболовства. Большие нерестовые озера всегда притягивали людей возможностью обеспечить себя рыбой и осваивались в первую очередь

ными средствами. Самыми простыми, надежными были ставные заграждения в комбинации с плетеными ловушками. Судя по находкам, 5–6 тысяч лет назад Конда уже была хорошо обитаемым архипелагом.

Я зову Конду архипелагом на том основании, что воды в Кондинской низменности по-прежнему больше, чем суши, и бассейн реки подобен огромному водохранилищу с затрудненным стоком. Верхушки боров торчат из болот, которые надолго задерживают талую воду. Потом вода надолго застаивается в кондинских туманах — озеровидных расширениях русел и многочисленных сорах — так здесь зовут пойменные озера. Устье Конды подпирает полноводный Иртыш, так что устьевой Кондинский сор порой наполняется против течения. Все это формирует островную жизнь, где без лодки жизнь

▼ Заполoshный лебедь

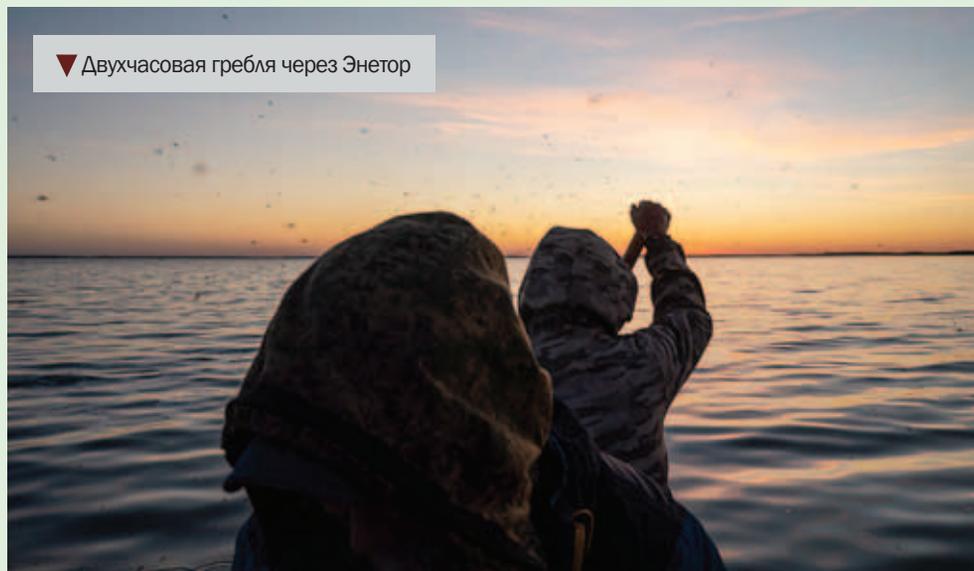

▲ Встреча с лосем

невозможна. Для рек делают одни лодки, для озер — другие. Только зимой здесьнее пространство становится проходимым во все стороны, заметно увеличивая скорость сообщения. По прямой от деревни Алтай до Энетора 35 км — час пути на снегоходе. Нам же предстояло пройти 150 км по воде.

К Нюркою ведут два водных пути: более логичным на карте выглядит подъем по Каме — крупному притоку Конды. Особенно выгодно этот путь смотрится при старте из деревни Кама. Однако мы поехали по Мордъеге — другому притоку Конды, близко подходящему к Энетору с юга. В точке сближения нам предстоял волок, или, как здесь говорят, перетаск на Энетор и вояж на другой лодке.

Дело в том, что русло Камы не расчищают в отличие от Мордъеги. С тех пор как деревню Нюркою упразднили в 1950-е годы, ездить в верховья Камы перестали и вековые деревья завалили русло. Проскочить можно только весной. Наши проводники сошлись на мнении, что лучше следовать по Мордъеге. Морд́а (так сокращают

▼ Двухчасовая гребля через Энетор

название местные) более предсказуема, поскольку по ней время от времени ездят рыбаки. Лишь заключительный отрезок по озеру беспокоил проводников. Дул сильный северный ветер, против которого было бы не выгрести на открытой воде. Гонцу пришлось бы идти

Как это ни странно, чем выше мы поднимались от Конды, тем болотистее становилось вокруг. Это особенность югорского ландшафта, вывернутого наизнанку. Болота здесь занимают самые возвышенные участки. Озеро Энетор расположено на 38 метрах над уровнем моря, перепад с устьем Камы составляет целых 14 метров, но все междуречное пространство затянуто болотами, лишь редкие гривы боров окаймляют реки, которые петляют как змеи. Так мы и ехали по Мордъеге — реке без берегов, где лес растет будто из воды и зеркально отражается в глади. Дважды нам встретились лоси, стоящие посреди русла в раздумьях, однако только мы вынимали камеры, они уходили в кусты на своих длинных ногах. Однажды мы едва не столкнулись с заполошным лебедем, который плюхнулся перед лодкой в реку.

Юрий безошибочно определял русло в разливах поймы, где было совершенно непонятно, откуда и куда течет река. Несколько раз мы срезали петли по едва заметным стежкам. Изредка Морд́а подходила к борам и крутояркам, напоминая, что есть и твердая земля. Чем выше мы поднимались, тем выше

▲ На подходе к Энетору

▲ Озеро Энетор, южный берег

▲ Деревня Нюркой

становился уровень воды, и в точке выгрузки мы наблюдали настоящее половодье. Таков эффект накопления болотами влаги и русловых завалов, препятствующих стоку. Притоки не поспевали за Кондой, которая быстрее освобождалась от полой воды.

Место, где мы высадились, чтобы идти дальше пешком, звалось Курга. Кургинским звали весь сосновый бор окружностью в 4 км. Рыбачье хозяйство, состоящее из избы и хозяйственных построек, стояло прямо на древнем поселении. Рыбачили тут только зимой, используя живун — богатый кислородом приток Мордъеги. Зимой здесь в огромном количестве скапливалась рыба. Летом изба пустовала и белые грибы, что в изобилии росли вокруг, никто не собирал.

Волоковая тропа прыгала с одного беломошника на другой через болотные перемычки. То были нетопкие пошворы — верховые болота с багульником и мелкой сосной. Лишь однажды попалась лыва — затянута болотом речка со скрытым осокой руслом. Сухим из нее никто не вышел. Перед самым Энетором мы обошли озерко, которое еще недавно было его частью. Перемычка за 30 лет заросла, удлинив волок на несколько сот метров. Образовалось клоквенное моховое болото в белых всполохах пушицы. Всюду цвел багульник — сильным дурманящим ароматом. Путь занял два часа. Только на закате мы добрались до Энетора: он встретил нас жужжанием комаров и густой белой пеной, которую ветер взбил на берегу. Северный берег выглядел тонкой лентой между темной водой и безоблачным вечерним небом.

Мох колыхался от каждого нашего шага, напоминая, что покоится на тол-

▲ Рыболовные запоры в Нюркой

ще воды. Пригнанная ветрами сплавина образовала здесь подобие берега, в то время как озеро продолжалось, сообщаясь с окружающими болотами и озерами под мхом. Где-то под нами, должно быть, плавали огромные щуки с черными спинами и яркими зелеными глазами — болотный подвид. В самом озере чаще попадалась серебристая или полосатая щука. Ради щук и их ценной икры на Энеторе весную рыбу, Юрий в их числе.

В единственную лодку погрузилось восемь человек, и мы погребли в сторону угасшей зари. Юрий вспоминал свои озерные приключения и пояснял нам, как называются чернеющие лесные мысы. Названия частично совпадали с теми, что были отмечены на землеустроительной карте 1932 года, но боль-

шинство из них вышло из оборота. Сохранилось название протоки, ведущей из Энетора в Домашнее озеро — Ахтогы и одноименного бора. Интересно, что Шаманского острова не было на карте 1932 года и, вероятно, его позже прибило штормами на мель посреди озера, оторвав от одного из берегов. Этим объясняется его сугубо русское название. Археологического и этнографического интереса остров не представлял, и мы не стали тратить на него время. Боги благоволили нам: к вечеру ветер стих, в заливе нашлась лодка, а недостающее весло я случайно нашел в кустах, пойдя до ветра. Два часа занял путь на веслах по Энетору, и в первом часу ночи мы добрались до базы.

Мы прибыли к месту излияния Энетора в озеро Домашнее. Это искусствен-

Зимой Домашнее озеро становится настоящей западней, поскольку на обоих протоках возводят глухие снежные дамбы, чтобы стимулировать кислородное голодание — замор. Обморочная рыба массово подходит к запорам-дамбам, где есть слабый приток воды и бурлит в прорубях. Это называется духовой лов. Так можно поймать десятки тонн — гораздо больше, чем необходимо традиционному хозяйству. Значит, уже 200 лет назад ханты были вовлечены в тесные торговые отношения с русскими купцами и ловили на продажу — выловленная рыба зимним путем уезжала в Тобольск. Возможно даже, что сама деревня, канал и рыбный промысел были единым проектом, вызванным к жизни растущим товарооборотом Тобольского края.

Что касается городка *Pitrou-iga*, то поиски его не дали результатов. Исходная привязка Патканова «5 верст от Нюркоевских юрт» весьма приблизительна. Место юрт в XVIII-начале XX века могло не раз меняться. На архивных картах отмечены летние и зимние Нюркоевские юрты. Кроме того, для угров характерным было перемещение в течение года по стойбищам: летним, зимним, весенним. Мы имели возможность проверить лишь последнюю локацию — ту, что отражена на советских топокартах. Обследовали четыре прилегающих к деревне бора, но не нашли богатырского холма и признаков иных поселений. Лишь на берегу Энетора обнаружили приозерное поселение эпохи бронзы.

Прилегающие к Нюркою боры были удивительно пустыми на археологические древности. Здешние юрты, судя по всему, возникли одновременно с каналом. Это был первый случай в нашей практике, когда столь удобное место для жизнеобеспечения не име-

ло глубокой поселенческой истории. Нюркойский бор мог «похвастаться» только собственным кладбищем. В подобных местах мы обычно фиксировали поселения разных эпох и преемственность археологических культур. Таким был Домашний Сор у деревни Согом и Деревенский Сор у бывших Шумиловских юрт. Это хантыские поселения в озерных истоках, которые перекрывали деревянными загородками, чтобы удерживать мигрирующую рыбу.

Отрицательный результат нас не расстроил — все прежние легендарные городища мы находили лишь со второго раза, что стало доброй кондинской традицией. Мы прикинули, что приметный холм с городищем, что заселял княжеский род, располагался, скорее всего, на Каме. Именно там на одной из карт отмечены летние Нюркоевские юрты. Это план разведки для следующей экспедиции.

Мы вернулись в Кургинский бор, где по подсказкам нашего проводника открыли сразу восемь городищ, не считая поселений иного типа. Родилось предположение, что до того, как остяки прокопали канал в сторону Камы, сток Энетора был на Мордъегу через болотные лывы. Кургинская речка — нынешний живун, питаемый лывами, позволяя рыбе пройти в Энетор. После строительства канала и падения уровня Энетора на несколько метров сток здесь сильно ослаб. Однако рыба все равно скапливается на богатую кислородом воду, поступающую через живун в Мордъегу. Эта версия хорошо объясняет высокую концентрацию доисторических поселений в Кургинском бору и единственное поселение этнографического времени в Нюркойском бору. Рыболовная гипотеза здесь имеет веское основание. **УС**

ный канал, прокопанный 200–300 лет назад остяками. По всей видимости, это был проект, чтобы активизировать озерный сток, а вместе с ним и миграции рыбы. На выходе протоки из озера была построена дамба, а на протоках — серия рыболовных заграждений. Домашнее озеро, имеющее выход в Каму, превратилось в накопитель рыбы. В таком состоянии система функционирует и сегодня. Насыщенный кислородом сток с Энетора привлекает нерестящуюся рыбу с Камы, но выше Домашнего и двух смежных озер она подняться не может. И спуститься назад после нереста тоже не может — запор настроен только на вход. Энеторская рыба, также сунувшись в протоку Ахто-ты и пройдя шлюз, отсекает себе обратный путь.

Пещера Темная

Пещера Темная находится в Губахинском районе Пермского края. Чем же она с таким незамысловатым названием, которое подходит вообще к любой пещере, примечательна?

Одна из самых глубоких на Урале

В этом районе найдено около 80 пещер, а, по некоторым данным, и больше 100, половина из них достаточно известна не только спелеологам, но и широкому кругу туристов — это и Мариинская, и Российская, и Кизеловская, и многие другие. Но Темная считается самой глубокой пещерой Пермского края и одной из самых глубоких на Урале. Нет, она не открывается огромным провалом, как Пропащая Яма или Сумган-Кутук, ее глубина набирается постепенно — колодцами, переходами и лабиринтами.

Пещера расположена в 2 км от поселка Углеуральский под Губахой. Первые упоминания о ней встречаются в 60-х годах прошлого века, и с этого времени спелеологи, туристы, спасатели и все искатели приключений не теряют к ней свой интерес. Вход расположен на дне воронки в лесу, недалеко от автодороги. Через дорогу находится действующее кладбище, и это одна

из причин, по которой Темная обрела своими легендами и мистическими историями.

Глубина пещеры более 130 м (по разным данным, от 132 до 135 м), общая длина ходов более 4 км. Пещера многоярусная, лабиринтового типа. Изначально было открыто и исследовано 3 яруса, но в 1980-е годы была открыта «новая» часть пещеры, и добавилось еще 2 яруса. На этом исследовании не завершились, и в 1990-е годы был найден восходящий колодец, ведущий уже к «сверхновой» части.

На дно старой части можно попасть несколькими способами, как с использованием техники SRT — спелотехники подъема и спуска с использованием снаряжения, так и через систему узких разветвленных ходов. Но для спелеологов большой интерес представляет, конечно же, 30-метровый колодец, на котором можно отработать скорость и технику. С этим колодцем и связаны трагические истории пещеры Темной.

▲ Спелеошкола

Анна Яковлева

Выпускница курса базовой подготовки спелеологов 2021 г.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

▶ Подкорми друга

Трагедии, мистика, грязь

Первая из них доказывает, что лучше не рисковать, находясь не в форме. При подъеме сердце мужчины не выдержало и он умер от инфаркта. Во второй истории подтвердилась необходимость индивидуально подогнанного снаряжения у каждого участника спелеопохода, а также одно из главных требований — у всех должен быть основной и запасной источник света. У группы туристов была одна обвязка на всех, и они передавали ее друг другу после подъема. И последний участник, 16-летний мальчик, пока сидел в темноте, сорвался в колодез. К сожалению, он погиб. К тому же в отчетах спасателей фигурировало, что участники были в нетрезвом состоянии. И трагические таблички теперь напоминают всем о соблюдении правил и что пещеры не прощают ошибок и несерьезного отношения.

Помимо документально зафиксированных несчастных случаев, с Темной связаны мистические истории. Самая известная из них, как одной группе туристов явились в пещере зеленые че-

ловечки. Но и без инопланетян многие рассказывают, как слышали шаги, голоса, шли на свет фонаря и никого не находили. Конечно, это добавляет и без того сложной пещере ореола таинственности, но чаще всего такие истории связаны с общей усталостью, игрой воды и эхом.

При всей своей сложности, в Темной нет каких-либо особенных красот. Каждая пещера, конечно, красива по-своему, но там нет залов со сталактитами, каскадов натечки. Наоборот, пещера очень грязная и глиняная, из новой и сверхновой части невозможно выйти, не измазавшись до самого кончика носа. А комбинезон превращается в один большой кусок глины. Но при этом в настоящее время Темная является излюбленным полигоном для тренировки уральских спелеологов перед более сложными выездами в пещеры Абхазии, Крыма и Кавказа.

О важности практики

Первое — это практика установок ПБЛ — подземного базового лагеря. В глубоких и протяженных пеще-

▼ Ледяные натеки

◀ Подготовка навески.
Фото автора

▶ Спуск

рах, где спуск до уже изученного дна может занимать день и больше, нет необходимости ежедневно выходить на поверхность, ведь тогда ничего нового не откроется. В этом случае ставится базовый лагерь. С первого взгляда он ничем не отличается от обычного туристического, просто стоит под землей. Но нужно учесть много факторов — он должен стоять на ровном, сухом месте. Конечно, в пещере вас не достигнет ливень — но там есть свои угрозы, после ливня на поверхности в пещере может начаться паводок. Очень хорошо, если есть источник подземной воды. В противном случае всю воду приходится заносить на себе. Еда для лагеря похожа на еду для высокогорных походов — она должна

быть максимально легкой и максимально сытной. Отличие только в том, что в горах все поднимается наверх, а в пещере спускается вниз. Но каждый килограмм лишнего веса имеет значение, поэтому никаких стеклянных или железных банок, все взвешено по граммам, пересыпано и упаковано. А так — те же палатки, спальники и теплые вещи. И еще одно отличие — дрова в пещере не найти и с собой их точно никто не понесет. Приготовление пищи происходит или на газовых горелках, или на примусах. В Темной есть несколько мест для установки базового лагеря, и большой учебный выезд школы Свердловской городской спелеосекции занял их все. 5 отделений по 5–6 человек разместились в палатках на всех более-менее ровных поверхностях. А какое сплочение достигается в стесненных условиях — чтобы согреться, в обычную трехместную па-

латку вошло 5 немаленьких спелеологов. В тесноте да... в тепле.

Также уступы и колодцы пещеры Темной используются для отработки навески. Чтобы спуститься и подняться в глубокую вертикальную пещеру, недостаточно владеть только техникой хождения по веревке SRT. Нужно, чтобы эту веревку еще кто-то провесил. Это отдельная наука, и далеко не каждый, кто умеет пользоваться снаряжением, может сделать безопасную и удобную навеску. Необходимо уметь выбирать надежные точки крепления, чтобы стена в этом месте не отслоилась вместе с натечкой и не осыпалась. Чтобы веревка нигде не терлась во время спуска и подъема, нужно вязать аккуратные правильные узлы, ведь, чем меньше узел, тем меньше веревки на него расходуется, значит, больший запас остается для колодцев ниже и ниже. В современной спелеологии не обойтись без умения пользоваться перфоратором. Аккумуляторный инструмент не только экономит силы и время, на одно отверстие тратится меньше минуты, но и наносит минимальный ущерб пещере, дырочка для крепления аккуратна и еле заметна.

И, конечно же, такая разветвленная и запутанная пещера интересна для топосъемки. Разные ее участки ри-

совались в разные годы, техники съемки менялись, от бумажных карт перешли к 3D-моделям. Но до сих пор нет абсолютно полной современной карты всех закоулков 5 ярусов и 3 частей Темной. Для меня в этом самая большая ее загадка. **УС**

▼ Вход в пещеру. Фото автора

Верхотурье

Крепость на пути из Европы в Азию

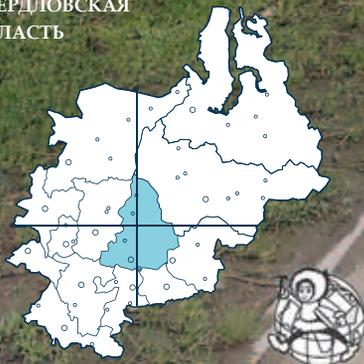
Верхотурье было очень важным местом для освоения Урала и Сибири. Причины этого корреспонденты журнала «Класс» узнали на экскурсии в историческом музее-заповеднике.

Алина Самойлова

Корреспондент журнала «Класс»
Екатеринбург, МАOU Гимназия № 177

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Музей находится в историческом центре города Верхотурье и включает в себя: Верхотурский кремль, построенный на Троицком камне над рекой Турой, и Дом для приема почетных гостей на левом берегу реки Калачик — притоке Туры. А в самом Верхотурском кремле расположены пять памятников архитектуры и градостроительства: Свято-Троицкий собор, Дом воеводы, Приказные палаты, Уездное казначейство, Государевы амбары. Не все они открыты для посещения туристами, но в доступных помещениях много всего интересного.

Экскурсию для нас провел сам директор музея, журналист по первой профессии, Николай Николаевич Новиченков. Верхотурский кремль, как мы узнали, был построен в 1712 году. Это самый маленький по площади из всех русских кремлей и последний из каменных городских крепостей России, дошедших до нашего времени, и единственный из сохранившихся кремлей на Урале. Кремль демонстрирует неразрывную связь древней и новой истории России.

Основная экспозиция музея, рассказывающая об истории Верхотурья, располагается в здании Государевых амбаров. Это три зала, в которых рассказано о периоде XVII-начала XX веков. Пройдя внутрь помещения, мы погрузились в атмосферу тех времен и давних

обычаев. При помощи представленных экспонатов смогли представить себе быт верхотурцев, их промыслы и ремесла, интерьеры торговых заведений города и многое другое. Здесь я впервые увидела, как раньше выглядели воевода, таможенный голова и даже царская невеста (согласно дошедшей до нас информации, одна из них была сослана в местный женский монастырь).

Верхотурье играло в старину такую большую роль, потому что через него пролегал Сибирский тракт, его еще называли Бабиновской дорогой. В давние времена он служил главной почтовой дорогой в этот край из центральной России, по нему через Уральские горы везли царские указы, деньги в казну, пушнину, мясо и рыбу. Интересна история этой дороги. Согласно легенде, которую нам рассказали, посадский человек Артемий Бабинов из Соли Камской (Соликамска, куда сухопутная дорога существовала давно), прибыв в верховья реки Туры, женился на местной вогулке — так называли представителей местных народностей ханты и манси. Местность здесь была лесистая и заболоченная. Бабинов узнал тропки, по которым вогулки ходили на свои языческие капища, и постепенно понял, где можно проложить сюда дорогу от Соликамска. Ее строительство (расчистка, обустройство, возведение мостов через речки) началось в 1595 году, продолжалось два года, протяженность составила 280 километров. И два столетия эта дорога была единственной, соединявшей европейскую часть страны с азиатской ее частью. А город Верхотурье богател и разрастался.

Интересный момент: во времена освоения этого края существовало жесткое подчинение царю. Чтобы построить в Верхотурье, например, каменную (а не деревянную) церковь, нужно было подать ему прошение, спросить раз-

решение. Везли почту и челобитные до Москвы два месяца, и столько же обратно, четыре месяца люди ждали ответа на свой вопрос.

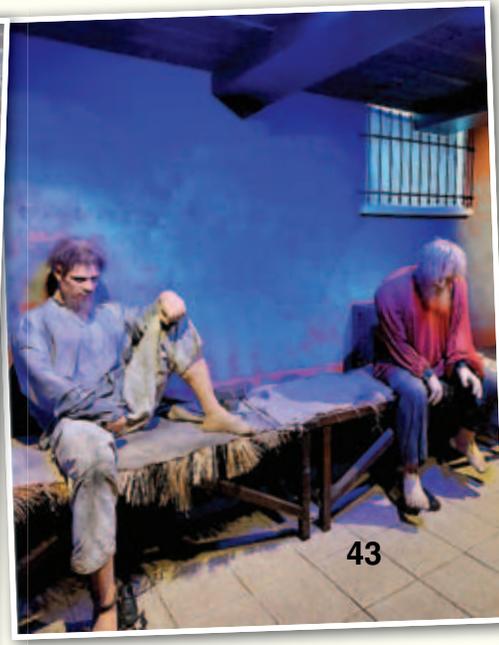
Самой необычной частью нашей экскурсии стало посещение экспозиции «Верхотурский тюремный острог XVIII века». Она находится в здании бывшей поварни-караульни. Там можно проникнуться устрашающей и таинственной атмосферой. Мы смогли увидеть камеру для содержания мужчин-арестантов и женщин-колодниц, восковые фигуры в человеческий рост придавали всему этому реалистичность.

Можно сравнить те старинные названия должностей и помещений с сегодняшними. Воевода — это сейчас мэр города, Приказные палаты — администрация, а казначейство — банк. В далекой уральской глубинке 300 лет назад жизнь была четко организована.

А зачем же представителям молодого поколения нужно посещать подобные музеи? Об этом я решила спросить Николая Николаевича Новиченкова, и вот что он ответил:

— В первую очередь, подросткам следует посещать музеи, чтобы помнить, откуда мы, где наши корни, знать о том, кто мы такие. Мы должны помнить историю наших предков и понимать, что они сделали для нашего будущего и для нашей страны.

Если вы интересуетесь историей России, то вы точно не должны пройти мимо Верхотурского музея-заповедника. Мне он показался очень интересным. После этой экскурсии мне захотелось взглянуть на историю не как на скучный предмет, а как на что-то любопытное. Отдельную благодарственность я бы хотела выразить экскурсоводу — Николаю Николаевичу, благодаря которому мы узнали много интересных фактов и получили мотивацию к дальнейшему изучению истории.

Острый Тур

Поход-разведка на Северный Урал

Эта поездка начиналась так же, как многие предыдущие, но с совершенно другими ожиданиями и настроением!

Собрались, погрузились и в ночь поехали 440 км до поселка Кытлым. Ночь была тихая и ясная, по небу рассыпались звезды. Водитель спокойно вел нашу «мини-яхту», и спать было весьма приятно.

Два часа по кочкам

Рано утром прибыли к базе «Серебрянский камень», выгрузились, переоделись. На улице было тепло и таинственно. Свежий горный воздух предвещал приключения! Около 4 утра, как и договаривались, подъехали ребята на вахтовках и УАЗиках. Сегодня у них много работы — на Серебрянку приехала половина Екатеринбурга и других городов. Ну, а мы были самыми первыми клиентами по заброске.

Загрузились в «буханку», и водитель с ветерком помчал нас в дебри. Аж дух захватывало! Удивительно, как хорошо он ориентировался в поворо-

тах лесных дорог. Вначале проехали асфальт до Кытлыма, свернули на грунтовку, ушли на Косьвинский камень. Потом — долго по лесу, брод через Тыллай, брод через Косьву и заброшенный поселок Усть-Тыпыл. Там и выгрузились. Дорога заняла 2 часа по кочкам лесной дороги. Но в пути мы встретили чарующий яркий рассвет!

Выгрузившись на краю поселка в лесной сырой воздух, быстро собрались, перепаковали и распределили общественный груз. И уже через 7 минут мы бодро шагали по старой дороге, ведущей дальше в Пермский край, а нас — к поляне у Косьвы.

Минут за 30–40, не замечая пути из-за разговоров, дошли до стоянки у реки. Здесь бывают сплавики и местные рыбаки-охотники. А теперь место заняли мы. Разбили лагерь на ровном месте среди кустов и развели на берегу костерок. Поставили готовиться завтрак. Гля-

Никита Ватолин

Инструктор по спортивному туризму, со-основатель турклуба «Первая вершина». Организовал более 200 походов по Уралу и Сибири.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

дя на еловый лес на том берегу, поднимаемся на горку Каменная, на чистой реку и наслаждаясь чистотой и тишиной, потрапезничали перед дорогой. Скажу я вам, что в такие моменты даже самая простая еда кажется царским обедом! Собрали снаряжение для восхождения и в 8:40 вышли из лагеря.

С этой стороны Конжак не знают

С первых шагов тайга дала понять, что просто не будет. Тропы начали попадаться только через километр, и то звериные, нам не по пути и легко теряющиеся. Каждый шаг давался с некоторым усилием, ведь нечасто приходится ходить по мхам, густым травам, вперемежку с поваленными деревьями. Искать тропу между буреломами и кустами. Петлять, как заяц, выбирая кусты или поваленное дерево: продрасть или перешагнуть. Впрочем, через полчаса уже вполне вошли в ритм и стало как-то полегче. А вот первый раз, посмотрев на навигатор, я был весьма удивлен цифрой в 150 метров вместо ощущаемых 800: D. А через километр встретили поистине великанское дерево — огромный кедр, вызвавший крики удивления и восторга.

Кстати, лес очень красивый! Вначале было больше мха и папоротников, елей-кедров и сумрачной атмосферы таежного темнохвойного леса. Потом — рощицы березняка с разнотравьем и малиной, залитые солнцем, следы лосей и медведей, грибы.

Ближе к вершине лес поредел и появился папоротник по пояс высотой, сквозь который и земли не видно — ямка ли, пенек, приходилось идти на ощупь. Потом начался ощутимый подъем и большие поляны с видами на вершину. Ближе к верху травы обрели осенние краски — необычно и тревожно. Неужели лето закончилось?

Безветрие и жара вызвали потоки пота по телу, с нетерпением мы ожидали выхода на открытые продуваемые места.

Огромная поляна на отроге, истоптанная медведями, и травой выше головы. По примятой траве идти легче. Время от времени оповещаю зверей свистом, на голову постоянно падают семена трав, отодвигаемых мной. Тишь и осознание дикости места, кто еще тут и когда побывает? И когда был кто-то тут до нас?

Приближается курумник, на буторке замечаем крупную спелую чернику. В атаку! Припали, как шальные, и минут 15 жадно объедали заросли. После нас как будто меньше и не стало, но ягодный голод слегка утолили. Пошли дальше, в надежде, что на вершине тоже могут быть ягоды. Буквально через 20 метров стало понятно, что ягод здесь до самого конца. Появилась голубика, брусника, малина — ели на ходу, иногда приседая у кустиков, ягоды которых казались особенно крупными. Ну как тут пройти мимо?!

И все-таки, наевшись, стали проходить мимо. Короткий подъем по ку-

румнику — и мы наверху. Открылась вершина с плато, окружностью метров 300, и виды на Острый Тур, Осянку, Конжаковско-Серебрянский массив. Благодать! Тут и ветерок обдувает, начали просыхать от пота. И солнышко греет, и виды сногшибательные. Особенно приятен Конжак. С этой-то стороны его никто и не знает!

Некоторое время просто сидели лицом в сторону Конжака. Отдыхали от тяжелого подъема и любовались заслуженными видами, радовались погоде и ягодам, которые здесь, конечно же, тоже «колосились» в изобилии. Приятная вершинка — ровные плиты камней, островки ягеля с ягодками, очень уютно! И ни следа человека, за исключением триангулятора и бутылки с запиской.

Острый Тур действительно острый

Обедать решили на плато под вершиной — там виднелись скальные останцы. Решил их посмотреть, узнать, какие виды с них, да и от ветра надо спрятаться.

Обед приготовили на небольшом костре в камнях. Наблюдали, как на западе формируются грозовые тучи. Ясное небо начало потихоньку заволакивать. Над нами стали пролетать облака, бросая тень. Затягивать обед не стали — времени уже 4 часа от начала старта прошло. Преодолели 5 километров, а впереди еще

4 км до Острого Тура и 4 км до лагеря. Надо успевать! В 14:30 вышли в путь к следующей вершине.

Вначале пошли напрямик от останцев, но, увидев крутой склон, скорректировали маршрут — пошли вдоль края плато на перевал между вершинами, где более пологий спуск и наименьший сброс высоты. Склон в этом месте был особенно красным, осенним — красота!

Ребята начали уже подуставать, а я начал прикидывать, как бы нам не по темноте возвращаться. Когда закончилась тундра и началась трава — прибавил темп. Так как я тропил и не мог физически передвигаться быстро, команда по тропе за мной вполне успевала. Немного «промазали», прошли мимо самого легкого спуска и вышли на крутой курумный склон. Пришлось спуститься в лес, где трава еще выше. Предвкусная новый сложный этап травохождения, внезапно вышел на верховое болото. Какой кайф! Низенькая трава и мхи позволили идти намного быстрее, легче и безопаснее, а воды в болоте почти не было. Зато была в изобилии морошка. Правда, после голубики и черники на нее уже никто особо смотреть не стал. Попробовали и пошли дальше.

Вдруг посреди болота, в 20 метрах от нас, раздался громкий хлопок и за ним еще один. Испугавшись медведя или лося, засвистели и закричали.

С той стороны послышался треск

деревьев и тишина. Осторожно пошли дальше, набрали на лужу с мутной водой. Среди деревьев видел мелькнувшее темное и высокое нечто. Я предположил, что лось провалился, его засало в грязь, и он с хлопком выбирался, когда мы его напугали криками. Вокруг полно лосиных следов — наверное, все-таки не медведь был.

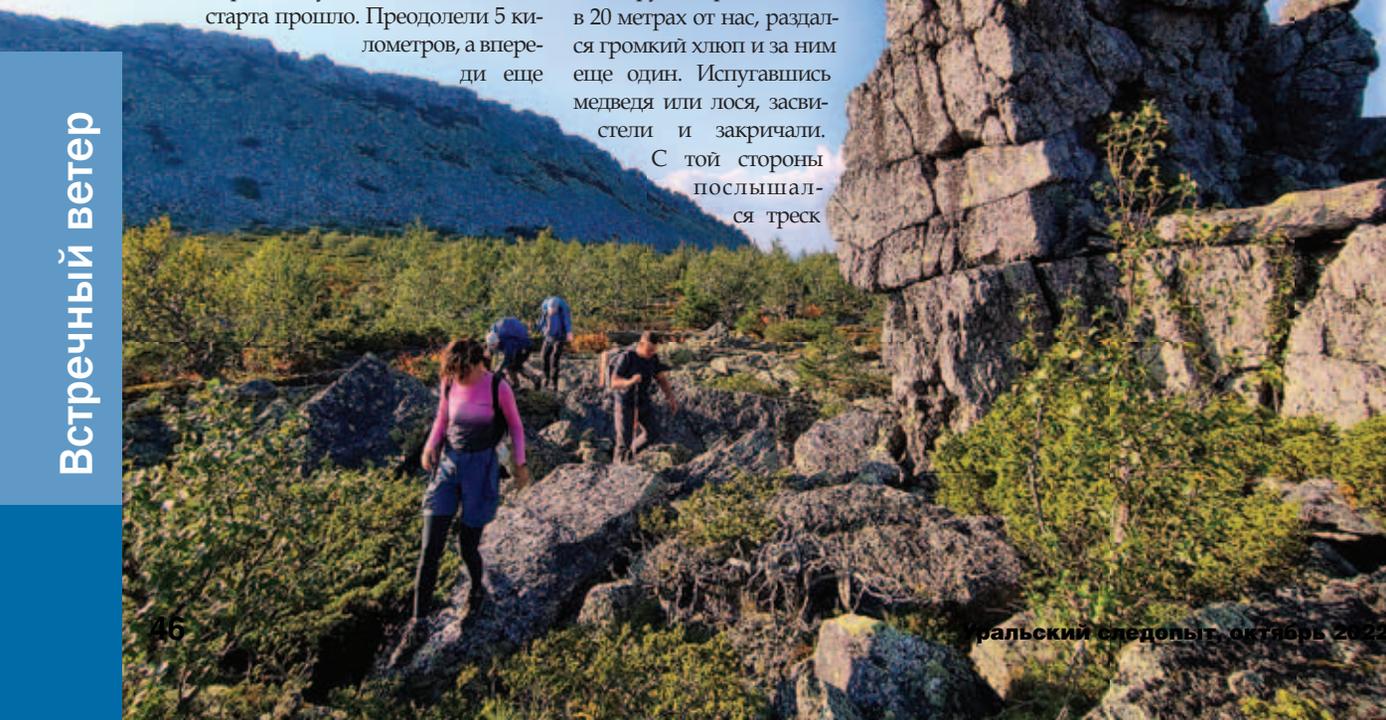
Адреналин отхлынул, успокоились, пошли дальше. Уже показался сквозь деревья Острый Тур. Крутой подъем и в 18:00 мы на поляне перед скалами. Бросаем вещи, напиваемся воды и карабаемся наверх. 10 минут подъема и Острый Тур открывает нам свои великолепные виды. Во-первых, этот скальный гребень с крутыми склонами действительно острый! Во-вторых, внизу течет, извиваясь, Косьва, теряясь в дымке горизонта. А в-третьих, взгляд обратно проявляет тот самый красный склон Чердынского Камня! С этого ракурса он выглядит максимально ярко!

Кстати, Острый Тур — это самая южная вершина плато Кваркуш! Вогульский камень с него, конечно, не видно — очень далеко.

С паутиной на лице

На вершине дул сильный ветер, а со стороны Конжака стали доноситься раскаты грома. Поэтому мы спустились и двинули в сторону живописных останцев на краю горы. За ними оказался высокий и не менее живописный обрыв.

Пройдя вдоль обрыва, нашли спуск с него и самый

короткий путь к лагерю. У меня снова проснулся голод, поэтому, пробегая вперед и ожидая команду, успевал срывать пригоршни ягод и уплетать их.

Добрались до еще одних скал, уже среди леса. Пока их огибали, пошел дождь. К счастью, на нашем пути уже закончились скалы и камни. Остался спуск через лес. Десять минут спустился дождь закончился. Но лес уже безнадежно промок — пришлось до конца идти в дождевике, собирая на себя влагу с травы.

Спуск показался бесконечностью. Каждые полчаса я убеждался, что мы прошли в четыре раза меньше, чем ощущалось. Ноги налились свинцом и заплетались. Медленно идти получалось трудно — терял равновесие, не в силах удержать себя в вертикальном положении. Но и быстро идти не вариант — не бросишь же ребят. Лес как будто стал менее проходимым. Больше коряг и поваленных деревьев, пеньков и кустов, трава как будто гуще и больше цепляется за обувь.

Разговоры стихли, шли в давящей тишине. Пока на очередной останов-

ке не стали смеяться над какой-то глупой шуткой. Тут настроение поднялось и ногам стало легче — понеслись быстро, стараясь добить оставшиеся километры. На лицо постоянно налипала паутина с веток, от усталости ее было трудно замечать, соответственно, по телу ползали залетные паучки, потом добавились мошки, бррр!

Бесконечность спустился мы вышли на дорогу и, скинув дождевики, налегке преодолели оставшиеся 800 метров, созерцая покрасневшие закатные тучи.

А дальше: купание в реке, приготовление ужина в стужающих сумерках и радость от преодоления испытания и полностью осуществленных планов! Утром над рекой висел туман. Выспались после такой нагрузки превосходно, сон был крепкий! Солнце снова засияло и как-то тепло на душе, ощущение, что уже день третий пошел. Позавтракав, устремились обратно в Усть-Тыпыль навстречу заброске. Пришли за две минуты до установленного времени, и ровно в 10 часов за нами приехала «буханка».

И долгий путь домой... **УС**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Октябрь 2022

Аэлита

50

Законы Вселенной

ЮРИЙ ПРОНКИН
Двойное дожитие

50

70

Координаты чудес

ЕВГЕНИЙ МИДАКОВ
Зелёная дверь в стене

70

64

Законы Вселенной

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК
Одиночество и грёзы

64

75

Повод для улыбки

ИННА ДЕВЯТЬЯРОВА
Мой выходной

75

Двойное дожитие

Юрий Пронкин

Родился в 1978 г. в городе Рязани, где и проживает в настоящее время. Более 20 лет пишет фольклорные миниатюры. Активный участник интернет-конкурсов в жанре фантастики и фэнтези.

*Укрыться б мне в шатре тумана,
Дружить бы с ветром и луной
И встретить старость без недугов
В сей век великой тишины.*

Ли Хван

Хотя орбитальный обстрел ещё не завершился и планетарную оборону не подавили, рой десантных капсул, отсоединившись от фрегата, вошёл в атмосферу Даруго. Лейтенант Вэлкор Старридж ощутил резкий толчок от запуска двигателей, а вместе с ним знакомый трепет и прилив адреналина. В кормовом иллюминаторе сначала исчезли далёкие звёзды, потом алое свечение застгло факелы крейсеров и пронзительный блеск голубого карлика. Миссия — его миссия — началась! Возвышаясь над головами сидящих рядом, он оглядел свой взвод: новобранцы, первый год в рейнджерах, но держатся молодцом. Вот только проку от них будет немного: пушечное мясо в лёгкой броне. Сегодня погибнут тысячи, даже не зная, ради чего сражаются. Только Старридж знал секретный приказ лидер-консула.

Их капсула имитировала повреждение, вошла в управляемый штопор и приземлилась, пропахав грунт, на опушке перелеска, вдали от основных сил. Сил, которым суждено погибнуть в атаке на столицу лишь для того, чтобы обмануть врага и облегчить его взводу выполнение задания. Лейтенант первым отстегнул ремни, нажал рычаг трапа и подал команду на выход. Бойцы высыпали на обожжённую траву, построились. Пройдя вдоль двойной шеренги, Вэлкор приказал поправить снаряжение и достал командный планшет:

— Наша цель — научный комплекс, точнее, лаборатории под главным зданием. Местоположение — вон за теми холмами. Первое отделение — в авангард, третье прикрывает. Я со вторым. Ухо держать остро! Включаем камуфляж и выдвигаемся!

«Цель миссии — лаборатории. Сказал. Задача... известна только мне, — на бегу думал Старридж, огромная тень среди десятка призраков, поднимающихся на холм. — Где-то в подвалах держат ингарийского профессора, который решил проблему бессмертия. Нужно захватить его самого, результаты исследований, образцы сыворотки. И вернуться обратно. Любой ценой».

До комплекса добрались незамеченными, залегли. Лейтенант на планшете передал приказ сапёрам подорвать в двух местах забор. Как только отгрохотали взрывы, бойцы бросились в пролом. И тут же были вынуждены залечь под плотным огнём. Старридж раздосадованно зашипел:

— Салаги...

Он встал и пошёл первым, короткими очередями кося противников одного за другим. Вражеские энергоимпульсы хлестали по его модифицированной броне, не нанося ощутимого урона, а монитор на лицевом щитке подсказывал цели и порядок их уничтожения. Ни с чем не сравнить возбуждение от ближнего боя. Как художник пишет картину, а композитор сочиняет пьесу, так лейтенант вдохновенно создавал эпическое батальное полотно — здесь и сейчас. И купался от переполнявших эмоций в этом море всполохов и трассеров, разрывов и криков. Добравшись до ворот главного здания, он подозвал оставшихся в живых рейнджеров, а затем через планшет взломал систему охраны. Двери начали медленно открываться. Старридж перезарядил винтовку, готовясь броситься внутрь. И свет померк.

* * *

Симуляция закончилась. Пак Ян Квон очнулся на кушетке в тесной переговорной кабинке. Над ним склонился менеджер пенсионного фонда.

— Ещё пять минут, пожалуйста, — сказал Пак, облизав сухие губы.

— Сожалею, но это весь ознакомительный фрагмент, господин Пак, — ответил менеджер и отсоединил кабель от шейного нейроинтерфейса.

— У вас лежанка, как прокрустово ложе. — Пак потёр бритый затылок и поднялся с кушетки, которая была на четверть метра короче его роста, зато вполонину шире.

— Что, простите? — Менеджеру, низенькому и пухлому, кушетка пришлось бы впору.

— Это из греческих мифов.

— Греческих, говорите? Извините, не читал. Я со школы только к азиатской культуре расположен. — Менеджер слегка поклонился и, явно тяготясь, спросил: — Надеюсь, вы довольны?

— Очень хорошо. Как будто на самом деле.

— Также наш пенсионный фонд может предложить другие варианты дожития из доступных вам: современный Мегapolis дожития с периодом бодрствования до шести часов в сутки, дожитие в стиле буддистских медитаций, размещение на морском...

— Не люблю море, — перебил менеджера Пак.

— Я понял вас. Вы выбираете игровую симуляцию?

— Да. Скажите, а передача избирательных прав не повышает срок дожития?

— Сожалею, но нет. У нейратов ограниченный пакет. И избирательное право у вас вместе с накоплениями переходит от работодателя к пенсионному фонду по истечении срока трудовой активности.

— Понятно. — Приложив большой палец с чипом к экрану монитора, Пак подписал соглашение.

— Я очень рад, что вы выбрали наш фонд, и лично благодарю, что обратились ко мне. — Менеджер снова едва заметно поклонился и проводил к выходу.

От небоскрёба, где размещался фонд, Пак Ян Квон отправился на другой конец Инчхона. Он включил музыку, и наушниками, этой великой звуковой стеной, отто-

родился от орд уличных кочевников. Пока шёл к метро по вечерним улицам, сине-зелёным от ярких вывесок и витрин, сколько мог уворачивался от рекламных голограмм, чьи фигуры, как изумрудные призраки, принимали разные обличья. Они, словно неискренние души, улыбались и раскрывали объятья, заметив нового пешехода, ускорялись навстречу, затем будто входили в тебя, внушая мысль зайти в магазинчик, обратить внимание или сделать выбор. И покидали, идентифицировав новую жертву. В эту игру не хотелось играть.

Около спуска в подземку Пак натянул капюшон форменной ветровки, чтобы укрыть нейроинтерфейс на бритой голове, и невольно ссутулился, стараясь казаться ниже, позволил гомонящей воронке втянуть себя. Этот людской поток, давя и толкая на эскалаторе, в переходах и вестибюле, отпустил его лишь на платформе, возле гермошлюзов вакуумного тоннеля. В безлокомотивном вагоне Пак пробрался к застеклённому торцу и стал смотреть, как магнитные рамы в красных огоньках подсветки пропадают вдали. Добравшись до Сити Холла, пересел на оранжевую линию Суин, тоже в торец, и всё время до конечной провёл, смотря из хвоста поезда.

Когда Пак снова оказался на поверхности, ему пришлось некоторое время вспоминать, в каких закоулках — так долго он здесь не был — находится колумбарий¹. Пока его очередь усталой многоножкой медленно тащила к лифту, оплатил в терминале хранение на весь срок дожития, затем спустился до минус шестого этажа и по полутёмным коридорам с очень низкими потолками, почти гусиным шагом следуя за мигающими бледно-жёлтыми стрелками, добрался до своих. Он протёр пыльные мониторчики, касанием большого пальца активировал их, и на экране появился отец, седой, со строгим, даже угрюмым выражением лица — его единственная сохранившаяся анимка — смотрел прямо, не мигая. На другом — мать: волосы под косынкой,

доверчивое, открытое лицо, подавала тыквенный пирог. На третьем — весёлая, тогда весёлая, сестра беззаботно смеялась, прикрывая ладошкой рот.

Руки сами собой сложились в анджали², и он опустился на колени, поклонился, коснувшись лбом грязного бетонного пола:

— Я успел. Теперь наша семья не имеет неоплаченных долгов. И пусть вы, уважаемые родители, и ты, нуна³, с моей смертью примете новое воплощение, исполненное сил и не сулящее тягот. Может, мы и встретимся. В другом мире.

Воздух наверху, не затхлый и стоячий, как в подземных лабиринтах, а чистый, без пыли, обвевая прохладными волнами, освежал. Его хотелось набрать полную грудь и просто задержать дыхание. Искорки звёзд с ясного небосклона будто смотрели без укора, ободряли, мол, выпрямься, расправь плечи, несовершенно дитя человеческое, улыбнись, доживай свой полувек на Земле, а космос оставь нам.

В кармане завибрировал телефон — звонок с униномера, наверняка какое-то рекламное предложение. Пак ответил:

— Слушаю.

— Вы идентифицированы как Пак Ян Квон, — раздался монотонный синтиголос. А потом уже явно живой человек, что было необычно, продолжил: — Кх-м, простите. Добрый вечер, господин Пак. Я представляю пенсионный фонд «Интай», и мы рады предложить вам двойное дожитие...

— Благодарю, — перебил Пак, — но я уже заключил контракт.

— Позвольте мне...

— Да и недоступно мне двойное дожитие. Спасибо. — Пак нажал на красную иконку отбоя.

Он немного постоял с телефоном в руках, а потом, придя в себя, сунул его в накладной карман потёртых

карго и двинулся к набережной, где в ряд расположились передвижные ресторанчики, тут же готовившие блюда на любой вкус. У откидных столов по приставным скамейкам расселись посетители: клерки в деловой одежде и работяги в комбинезонах. Кто поодиночке, но больше группками они активно заказывали, с аппетитом ели, пили и дозаказывали, обменивались новостями и мнениями, просто судачили. Кого ещё присоединит Азиатский Пояс вслед за Вьетнамом, как достали беженцы и всякие лишенцы — на окраинах не протолкнуться, кто куда поедет отдыхать после открытия Тихоокеанского моста и всякое разное.

Выбрав тот фудтрак, где можно сесть спиной к морю, сделал заказ. Пока готовилась еда, рассматривал огромный валун с латунной табличкой на корейском и каком-то незнакомом языке со странными письменами. Что-то о двух кораблях, которые когда-то в этой бухте отвергли требование капитулировать и приняли отчаянный, безнадежный бой против превосходящих сил врага. А международная эскадра отошла на безопасное расстояние и безразлично наблюдала со стороны за расправой.

Раздался звончок, и повар подал разделённую надвое миску с рыбной лапшой, напротив которой, на второй половине, устланной фольгой, дымилась горячая куриная грудка с пячुकимчи и шариком риса. Пак снял капшон, а повар, подавая двумя руками бумажный стаканчик с соджу, сдвинул левую руку от запястья к локтю правой. Не обращая внимания, Пак заплатил в один щелчок пальцами и принялся за ужин.

Лента магнитного тротуара пустовала, в корзинах около остановки кучей лежали муниципальные ферроборды. До общежития на таком можно добраться минут за десять. Но стоило прогуляться. Лёгкий ветер с моря единой холодящей волной накатывал на набережную, но потом врзался в дома, которые, как ветрорезы, заставляли бриз распадаться, крутиться вихрями в тесных

улочках. К общежитию Пак добрался основательно продрогшим. И первым делом, схватив полотенце с верхней койки двухъярусной кровати и нашарив вьетнамки под нижней, отправился в душ на этаже — греться под горячими струями. Вернувшись, залез на своё место, достал из-под подушки допотопный планшет, запустил бесплатную стрелялку и поиграл, пока его аккаунт в полдвенадцатого не отключили, как того требовал трудовой контракт. Когда вернулся сосед, Пак уже спал, поджав ноги на короткой кровати. Так завершился единственный выходной перед последней рабочей шестидневкой. А дальше — «почётное» дожитие сроком на пять лет.

* * *

Утром корпоративный автобус забрал у общежития дневную смену и по «зелёному коридору» через четверть часа доставил в порт, на контейнерный терминал, где с плаката их приветствовал Яо Дзаньхуа, глава филиала «ООСЛ»⁴ в Жёлтом море. Двери открылись точно у медпункта, и все отправились на осмотр. Пак, поживаясь от утренней прохлады, в который раз читал слоган «ООСЛ: Мы не тратим время на риск» над фотографией босса и думал, что девяностопятилетний господин Дзаньхуа выглядит моложе него. Когда подошёл черёд, у Пака взяли мазок, прикрепили датчик аппарата, проверяющего жизненные показатели, к виску, после чего прибор, дважды пикнув, выдал допуск. На выходе обязательный стаканчик с К-тоником — причём сестра проследит, чтобы работник выпил всё до капли, — и запёртый двухсекционный ланчбокс с таймером на замке, который срабатывает раз в четыре часа. И с горьким, едким привкусом элеутерококка, разведённого отбросами химлаборатории, во рту отправился к крану. Вчерашний ужин, аромат курицы с терпкими приправами словно остались в другой жизни. Раньше в работе крановщиц было меньше правил, регламентов и инструкций.

Но с увеличением экономической мощи Азиатского пояса вырос и объем грузоперевозок, потребовалось сократить время, которое корабли проводили у причалов. Крановщиков не хватало, а те, что работали, буквально жили в кабине. Это привело к дополнительным инцидентам и простоям: кто-то задевал надстройки, кто-то ронял груз, кто-то не мог попасть в фитинги, кто-то — в направляющие и гнул контейнеры, кто-то умудрялся сшибать тягачи на берегу. Стали привлекать нейратов — они чутко реагировали на качку, ветер, попадали в направляющие и «твистлоки» с первого раза. Поэтому их держали за рычагами сутками на специальном напитке для концентрации внимания. Всё это продолжалось до тех пор, пока один крановщик в порту Шанхая не слетел с катушек и не принялся швырять контейнеры в разные стороны, после чего зацепился спредером⁵ за мостик, уронил на него кран, а сам за кабель вырвал себе шейный нейроинтерфейс и бросился в море.

Кадры трагедии с корабельных камер видеонаблюдения облетели всю планету. И правительство ограничило рабочие часы, ввело обязательный независимый медосмотр, установило нормы питания и предельный возраст, по достижении которого списывали даже тех нейратов, кто ошибок не допускал. Чтобы не рисковать.

Внизу, у опор кранового лифта, уже ждал напарник. Они перекинулись парой дежурных фраз, Пак забрал рацию и отметился в сменном журнале. Из кабины козлового «Борт-берег» под рампой солнца, низкого в зимний рассвет, открывался вид на залив Канхваман, на рейде которого замерла в ожидании пара десятков судов, ещё дюжина расходилась в стороне, и прибывающие семафорили тем, кто уплывал. В пересменок буксир оттёр от причала разгруженный контейнеровоз и шустро подогнал другой, на погрузку. Пак любил именно погрузку, по скорости он был одним из лучших не только в терминале, но и во всём порту. Грузчики, «штангисты», да

и экипажи поругивали его в рацию, что, мол, они тут все в мыле, но он не замечал ни ворчания скачущих, как бешеные кузнечики, фигурок в оранжевых и белых касках, ни похвал от бригадира. Заполнять пустоту куда приятнее, чем монотонно разбирать штабеля. Усевшись в подвижное кресло, оператор пристегнулся и подключил кабель к нейроинтерфейсу. Быстрый запуск софта, и мир обрёл параметры очередности, цветовые градиенты веса, углы крена и указующие стрелки с расстояниями до фитингов и направляющих. Ожил и вестибулярный аппарат — теперь через перчатки можно чувствовать сорокафутовые контейнеры. Так канатоходец чувствует балансир, наклоняясь влево или вправо, чуть назад или вперёд. Появилось ощущение ветра и качки, с ними оператор не боролся, не соперничал, наоборот, они помогали плавными движениями переносить груз, будто люльку с ребёнком, люльку за люлькой, сотни люлек, поскорее с тягача на корабль, который отвезёт их в безопасное место. Когда смена подходила к концу, диспетчер по общему каналу сообщил, что Пак должен задержаться — к нему есть вопросы у кадровиков, которые вот-вот подъедут. У автобусной остановки царил оживление. Грузчики выставили голографический мемоглиф в виде человечка с двумя задницами, символ репатрианта, которому и тут, и там дали ногой по мягкому месту. Мол, сейчас тебя в третий раз турнут, и не доработаешь свой срок, останешься без дожития. В ответ Пак высветил «так же смешно, как и прежде», только верхом вниз.

Стемнело. За час, который он провёл, сидя на корточках возле медпункта и кутаясь в ветровку, подумалось о многом. Какую пакость может выкинуть компания, на которую пахал столько лет? И что он сможет с этим сделать? По истечении предельного срока податься особо некуда. Раньше нейраты были в дефиците. Из жителей Кореи, да и Китая, само собой, мало кто хотел делать себе дырку у основания черепа. Поэтому некото-

рым не оставляли выбора. Официально процедура установки нейроинтерфейса добровольная, однако ж коль нужно разрешение на работу, то будь добр соглашайся. Если молодой, то орёл и решка: приживётся или не приживётся. А вот у человека в возрасте шансов маловато. Да и ещё долг за вживление родне платить. Наконец в воротах терминала показался представительский Naval с белой эмблемой компании на лазурном капоте. Автопилот аккуратно притормозил, и из седана вылезла сотрудница, видимо, не из последних: уж больно холёное лицо, убранные по последней дорамной моде короткие осветлённые волосы. Она одёрнула дорогой деловой костюмчик, оправила юбку. Поднимаясь ей навстречу, Пак отряхнул, будто он был в крошках, комбинезон.

— Вы господин Пак Ян Квон? — Кажется, обращение «господин» далось ей нелегко.

Пак кивнул и поклонился.

— Меня зовут Сон Су Хён, я здесь по поручению господина Яо Дзаньхуа.

Пак снова поклонился, пониже.

— Господин Дзаньхуа выражает благодарность за верную, ответственную службу на благо компании и всего Азиатского пояса. И в знак признательности просит принять заслуженный подарок.

У Пака отлегло от сердца.

— Вы один из лучших работников компании на Жёлтом море, за время службы не допустили ни одной ошибки. Поэтому компания награждает вас премией. Допустим, в виде оплаченного путешествия по Храмам трёх драгоценностей. Но, главное, компания профинансирует двойное дожитие в достойном пенсионном фонде.

Пак вздохнул.

— Что-то не так? — спросила госпожа Сон.

— Понимаете... Прошу меня простить, но я уже дал согласие другому фонду. И отозвать не смогу.

— О, это ничего страшного. Вы подпишете заявление... — Госпожа Сон вернулась к машине, взяла с сиденья корпоративный планшет и показала, где подписать документ. — А остальное мы уладим. Вам придёт уведомление с адресом, датой и временем.

— Если так, то я, конечно, согласен. — Пак, не глядя на текст, приложил большой палец к планшету.

— Хорошо. А теперь я подвезу вас к дому.

— Неудобно, наверное? Да и поздно уже.

— Компания ценит достойных работников. Садитесь, — тоном человека, привыкшего распоряжаться, сказала госпожа Сон.

Пак сел следом за госпожой Сон на заднее сиденье и закрыл дверь. Тут же включилась мягкая подсветка и заиграла музыка, старомодное фортепьяно, что-то похожее на Ли Руму. В салоне пахло жасмином, и, смешиваясь с лавандовыми духами госпожи Сон, аромат оживлял воспоминания о сказках про долины Алмазных гор, которые мама рассказывала им с сестрой в детстве. Naval плавно катил по городу, суматошная многоголосица которого не проникала внутрь, а свет и блики приглушались, отчего окно выглядело точно анимированные картины в затемнённых залах галереи современного искусства.

Они ехали молча. Госпожа Сон сидела, смотря в своё окно. Пак украдкой взглянул на неё, потом отвернулся, но через некоторое время, поборов нерешительность, спросил:

— Извините, госпожа Сон, а не могу ли я иначе распорядиться премией?

Она оторвалась от окна:

— Как будет угодно. Сумма будет переведена на вашу карту вместе с окончательным расчётом.

— Спасибо вам большое... И господину Дзаньхуа передайте мою благодарность. Если будет возможность.

Госпожа Сон кивнула и снова повернулась к окну.

* * *

Пак приехал на час раньше назначенного времени, посетив до этого колумбарий, немного посидел на скамейке у центрального входа и отправился прогуляться по окрестностям. Здание клиники из двух строений, соединённых переходом, располагалось у самого подножия Мухаксан. Благодаря экоархитектурным изыскам: каскадной форме и зелёно-коричневой гамме стен, фасад, если взглянуть с другого конца города, сливался со склоном горы.

Минут через сорок Пак вернулся к центральному входу и, скинув одну из лямок рюкзака, в котором уместились все нехитрые пожитки, вошёл в холл. Лишённое острых углов пространство, словно пещера подземных царей, блистало самоцветными жилами стен и потолка. Сразу за дверьми стоял терминал с приветственной эмблемой «Превосходное дожитие Ин'тай». Пак коснулся чипом экрана, и на нём загорелась надпись: «Добро пожаловать, господин Пак Ян Квон. Ожидайте. К вам сейчас выйдут». И, действительно, к нему тут же подошла смуглая, крепкого сложения, видно, выросшая в деревне, медсестра в бледно-васильковом, без единой складки халате. Она поклонилась:

— Здравствуйте. Меня зовут сестра Ю-джон. Я рада приветствовать вас в нашей клинике. Благодарю, что выбрали фонд «Ин'тай». Я провожу вас в ваш номер. Сегодняшний день будет посвящён обследованию, но уже завтра состоится первое подключение.

В лифте, а потом идя по извилистым коридорам, сестра Ю-джон рассказывала, что эта клиника — самая передовая, её только построили, она даже наполовину не заполнилась. Те клиенты, которые выбрали игровые симуляции, находятся на подключении гораздо дольше, причём без потери физических кондиций — за счёт костюмов электромагнитной стимуляции мышц и подачи особых питательных веществ, в том числе сра-

зу в кровь. Мониторинг за состоянием осуществляется круглосуточно. Качество же игровых симуляций превосходит самые смелые ожидания. Некоторые граждане, у которых приближается период дожития, просмотрев ознакомительные фрагменты, специально устанавливают нейроинтерфейс. А те клиенты, которые уже находятся у нас, возвращаясь в реальность, требуют быстрее проводить осмотры и загружать их обратно. А когда срок дожития истекает, то игра предполагает величественную концовку.

В каждом слове, каждом жесте сестры Ю-джон проявлялись серьёзность и ответственность. Она всем своим видом показывала, что гордится такой престижной работой и, понятно, дорожит ею. Остановившись у одной из многочисленных дверей, медсестра повела рукавом вдоль электронного замка и приглашающим жестом предложила зайти внутрь. В номере, который хоть и был размером с комнату в общежитии, около узкого высокого окна стояла лишь одна кровать, точнее, специальная длинная кушетка. От неё к изголовью, где крепился стенд для подключения, шли разноцветные провода и матовые трубки. Медсестра достала из шкафа футболку, свободные бежевые штаны, того же оттенка куртку на молнии и мягкие туфли-шанхайки с эмблемой клиники:

— Переоденьтесь. А вашу одежду я заберу: она вам больше не потребуется. Личные вещи можете оставить. И ещё: придумайте, как будут звать вашего героя.

Пак безропотно подчинился, отдал поношенную одежду вместе с рюкзаком, оставив только одну семейную фотографию.

* * *

Когда сестра Ю-джон говорила, что симуляция превосходит ожидания, скорее скрывала достоинства игры, чем приукрашивала.

Пак не спешил идти к хижине на опушке вслед за ма-нящей стрелкой. Хотелось насладиться красотой вокруг. Деревья волшебного леса, с их яркой, до невозможности гармоничной и насыщенной красками листвой, то возносились вверх остроконечными мачтами, то преграждали дорогу неохватными стволами, а кро-на их духами природы кольхались над головой. Он бук-вально впитывал запах, который с летучим ветром луч-ше всяких благовоний освежал тело, внимал, как тихой, нежной музыкой шелестит по корням палая листва. По-том пил и не мог напиться водой из ручья — холодной, чуть сладкой, с персиковой ноткой, прозрачной, но, как молоко, густой.

Лишь попривыкнув немного к красотам сказочного мира, Пак отправился к первой точке.

Вблизи хижина оказалась никакой не лачугой, а дым-чатым шатром из непрозрачных, но проницаемых, как густой туман, завес. Сидевший на циновке седобородый иягикун⁸ в белоснежных одеждах всплеснул руками:

— Столько лет молил я небеса о герое, и они меня услышали. Кто ты, юноша? Маг или воин?

В зеркальном щите, который висел на стене позади старика, отражался высокий мускулистый юноша в шёл-ковом ханбоке, чёрные до плеч волосы стягивала лило-вая лента, а взгляд разноцветных глаз — карего и голубо-го — был внимателен и строг.

— Я воин, — ответил Пак. И на теле, как и на отраже-нии, появился пластинчатый доспех.

— Очень хорошо. А как зовут тебя?

— Хон Тиль Дон.

— Очень, очень хорошо, юный воин. Мне нужно мно-гое рассказать тебе. И многому научить. А времени так мало...

Старик покачал головой. Тут же на периферии зре-ния возникли полупрозрачные символы, подсказки, что-бы продолжить диалог.

— Скажите, кто вы и что здесь случилось?

— О, моё имя Амудо. Я — создатель тысяч сказок и со-тен легенд. Каждый раз, когда я сочиняю, в мечтах блуж-дая по волшебному лесу, возникает тропинка в новый, только что рождённый мир со своими землями и мо-рями, растениями и животными, людьми и совершен-но на них непохожими, но столь же разумными сущно-стями. Но горе мне, горе... На свою беду я открыл путь в царство демонов, и оттуда вырвался Имуги, мой злей-ший враг. И теперь он подчиняет себе мир за миром, искажает природу, превращает животных в чудовищ, а разумных созданий обращает в рабство. Я стар, и мне его не одолеть.

Амудо снова замер.

— Что я должен делать? — спросил Пак.

— Никто, кроме тебя, не смог сюда попасть, а это зна-чит, что ты — Избранный. О, ты будешь стоять во гла-ве армий, сам будешь принимать тяжёлый бой, обре-тёшь могущество низвергать демонов во тьму и выво-дить на свет других воинов и магов. А пока тебе нужно тренироваться, много тренироваться. И учиться. Указу-ющий луч направит тебя. Заходи сюда, когда будет нуж-но. Я всегда буду рад тебе. Но где бы ты ни был, слушай ветер и луну, они подскажут, что делать. А пока — вот мой тебе подарок.

Старик указал на накрытую рогожей корзинку в углу. Пак снял тряпку, и там оказался лисёнок — совсем ма-ленький, янтарно-рыжий. Тот открыл глаза, умильно зевнул и завилял девятью хвостами.

— Будет тебе верным спутником, — сказал старик, — а теперь ступай.

И Пак-Хон со рвением принялся учиться искусству обращения с мечом и луком, копьём и щитом, стал вни-кать в основы магии, открыл для себя, как проходить по тропинкам из одного мира в другой. И везде его со-провождал весёлый лисёнок.

* * *

Пак открыл глаза: его номер, только шторы задёрнуты, в полумраке над стендом склонилась Ю-Джон:

— Добрый день! Пришло время планового осмотра, — медсестра принялась деловито отсоединять от ЭМС-костюма провода, потом занялась трубками.

Будто цепляясь за призрачные одежды уходящего сна, сознание нехотя примирялось с возвращением в реальный мир:

— Добрый... А какой сейчас... Сколько времени прошло?

— Пять дней. Как и планировалось. Как вы себя чувствуете?

Пошевелив конечностями, Пак попробовал, как отзываются мышцы лица, и с удивлением заметил:

— Отлично! словно только что прилёт.

— А как вам симуляция, понравилась?

— О, выше всяких похвал.

— Всем нравится. Раз всё хорошо, переодевайтесь. — Подала униформу с оттиснутым игровым ником и отвернулась к окну.

Медсестра быстро шла впереди, а Пак, стараясь не отставать, следовал за ней. Пройдя через переход, они поднялись на верхний этаж. В пустынных коридорах только изредка встречались другие клиенты в сопровождении медсестёр, но никто из них на любопытный взгляд взаимностью не отвечал. У кабинета напротив холла с узкими окнами, выходящими на город, сестра Ю-Джон остановилась и постучала в дверь:

— Доктор Мун, разрешите?

— Да, заходите, — раздалось оттуда.

Они вошли. За столом на широком кожаном кресле сидел худощавый малаец лет пятидесяти на вид, пристальный взгляд поверх очков в золотой оправе изучающе прошёл по новоприбывшему:

— Как зовут?

— Пак Ян Квон, — ответил Пак.

Сестра Ю-Джон поправила:

— Хон Тиль Дон.

— Занимательно. Знакомы с европейской культурой? — спросил доктор.

— Знаком немного, — ответил Пак.

— Хорошо. А я доктор Мун, заместитель главного врача. — Малаец указал на стул с высокой спинкой. — Присаживайтесь, господин Хон.

Встав над Паком, врач ощупал нейроинтерфейс:

— Не больно?

— Нет.

— Хорошо, — сказал доктор. — Активировать голосовое управление. Свет, индикатор.

— Что, простите? — Пак не заметил, как из медицинского халата доктора выдвинулся щуп индикатора, а рядом, в районе ключицы, включилась лампа.

— Ничего. Сидите спокойно.

Некоторое время спустя доктор Мун удовлетворённо кивнул, отключил приборы халата, повесил его на спинку кресла и сходил в смежную комнату помыть руки. Вернувшись, он подошёл вплотную к Паку:

— Ну что ж, несмотря на длительную активность, воспаления рядом с портом нет. Как впечатления от симуляции?

— Потрясающие. Очень понравилось.

— Вижу, — доктор улыбнулся, — хотите поскорей вернуться?

— Да, вы правы, доктор Мун. Извините, пожалуйста, а беспроводные нейроинтерфейсы так и не разрешили?

— Ну, — доктор снял очки и потёр переносицу, — это не совсем моя область, но там по-прежнему производители не могут добиться полной передачи данных, без проскоков. Поэтому правительство подобное не лицензирует. Сестра, результаты анализов есть?

Ю-Джон с готовностью ответила:

— Конечно, доктор Мун.

Тот вернулся за стол и, водя пальцами перед проектором, проглядел голограммы результатов:

— Так, тонус мышц очень хороший, пищеварение — в норме, текущая активность мозга соответствует предвдущему, здесь... Да, и это тоже в порядке. Единственное, хочу предупредить, что вы будете ощущать некоторую апатию и расстройство внимания при пробуждении. Это побочка из-за многолетнего употребления психостимуляторов.

— Но я ничего такого... Никаких запрещённых веществ, — недоумённо сказал Пак.

— Это средство для концентрации внимания, тоник ваш. Так он называется в обиходе?

— А, да. Теперь понимаю.

— Что ж, — сказал доктор, подводя итог, — я разрешаю увеличить Хон Гиль Дону время симуляции до двенадцати суток.

— Большое спасибо, доктор Мун, — обрадованно сказал Пак и в сопровождении медсестры вернулся в свой номер, чтобы скорее подключиться к симуляции.

* * *

Доктор Мун оказался прав. Пробуждаясь, Пак после ярких красок и нежных, изысканных звуков симуляции, насыщенной приключениями, загадочными событиями и жестокими схватками, чувствовал отстранённость, даже отвращение к реальности с её приглушённым светом, землистыми тонами в интерьере, раздражающими шумами. Не сравнить ляг мечей с грубым стуком закрывшейся двери, а пение стрелы — с деловитым жужжанием лифта! Кроме Ю-Джон и доктора Муна, Пак ни с кем не разговаривал.

Те, с кем он встречался: другие клиенты и сопровождающие их медсестры, молчаливые техники, менявшие в кушетке трубки и проверявшие управляющий стенд,

да сурового вида безопасники, делавшие обход, интереса к общению не проявляли. В симуляции же с новым витком сюжета появлялись занимательные персонажи, и к каждому стоило найти свой подход. Разговорить, чтобы понять, друг он тебе или враг. Что лучше: подчинить его силой или со всем уважением предложить идти в бой вместе как товарищи? До армий Пак-Хон ещё не дорос, но с ним уже был разномастный отряд, вместе с которым стало возможно одолевать грозных демонов.

Верный лисёнок постепенно вырос и превратился в хитрющую и проказливую лисицу, которая никогда не давала скучать. Можно было часами наблюдать, как она забавляется, гоняясь за бабочками или просто играя со своими девятью хвостами. Тропинки поражали не меньше.

Пусть только часть их них была открыта, но некоторые задания, где требовалось пересекать границы между мирами, дарили непередаваемые впечатления. Только что ты шагал по волшебному лесу, а вот ты уже в горах, и тебя окружают высокие пики в снежных шапках. А свернёшь не туда и окажешься в сумрачных подземельях или посреди безжизненной пустыни.

А от того коридоры, что всегда приводили лишь туда, куда ты отправился, а потом обратно, нагоняли тоску. Пак привык во время короткого бодрствования мало разговаривать, отвечал односложно, и думал только о том, как лучше выполнить очередной квест. Хотелось поскорей отделаться от обследований, чтобы вновь окунуться в приключения.

Так и сегодня сестра Ю-Джон опять провела его через переход, а затем знакомым путём к смотровому кабинету. Остановившись у двери, она постучала, но никто не отозвался. Медсестра обернулась:

— Доктора Муна сейчас нет на месте. Я скоро вернусь. А вы, господин Хон, подождите тут. Только никуда не уходите.

Пак некоторое время стоял около кабинета, а потом обернулся к окну в холле напротив. За ним раскинулся Инчхон. Город и его люди, у которых есть жизнь до дожития и у которых кто-то есть. Там, внизу, эти люди работали, ели и спали, ездили туда-сюда, разговаривали друг с другом и молчали, слушая, или, не слушая, молчали.

Странное чувство: Пак будто соскучился по городу, который до того не любил. По порту, морю, уличной толчее. Наверно, хорошо бы ещё разок пройтись. Лишь бы не одному, а с кем-то близким. Посмотреть, как по дорогам снуют машины, как разгружают и загружают суда, как в уличных кафешках готовят еду, как в парках распускаются цветы. Ему даже почудился аромат, словно поблизости на самом деле была клумба. Он подошёл к окну, чтобы поближе взглянуть на город. Из-за двери рядом с окном послышался голос доктора Муна, ему ответил кто-то — возмущённо, срываясь на фальцет. Пак прислушался.

— Со всем уважением, доктор. Какой каспаза-8, какой попадоз...

— Апоптоз, — спокойно поправил доктор Мун.

— Да без разницы. За что я должен платить полтора миллиона юаней? Госпожа Сон, может, вы мне растолкуете?

Тут Пак понял, что это был за цветочный запах. Госпожа Сон спокойно ответила вопросом на вопрос:

— Разве в вашем круге общения нет никого, кто уже пользуется нашими услугами?

— Есть, безусловно, есть. Потому я и здесь. Но мне нужно понять, за что вам капнет такая сумма. Объясните нормальными словами.

— Не мы устанавливаем цену. Но укол стоит таких денег. Да, я же говорила, что полтора миллиона — это только за одну инъекцию. А делать их нужно каждые девять месяцев.

— Господин Шим, — снова взял слово доктор, — я не мастер объяснять на пальцах. А презентаций, сами понимаете, у нас нет. Но если говорить просто, то... Каждый день в человеческом организме умирает около четырёх миллиардов клеток. И на смену им рождаются новые. Для разного вида клеток — свой срок. Скажем, эритроциты живут сто двадцать дней. Чтобы работал такой механизм, в клетке есть нечто, отвечающее за самоуничтожение. Клетка буквально запрограммирована родиться, функционировать и умереть. Весь комплекс однотипных клеток обновляется через каскад самоуничтожения. В организме имеется баланс замещения, но с возрастом он смещается, и старые клетки начинают преобладать над молодыми.

— Ну, это очевидно. Я по себе замечаю. Но при чём тут эйфория? Один наш общий знакомый после инъекции как под кайфом ходит. Даже с дофаминовой помпой не сравнить.

— Да. Я как раз об этом хотел сказать. Во-первых, наша инъекция, точнее подкожное введение микрокапсулы пролонгированного действия, помогает сместить баланс в сторону молодых клеток. После введения микрокапсулы с субстратом тау-каспаза-8, полученным из плазмы крови донора, у реципиента инициируется апоптоз, и за счёт разрушения митохондрии...

— Опять вы незнакомыми словами сыпете!

— Простите. В общем, после укола происходит медленное расщепление действующего вещества, начинается более интенсивное обновление клеток, причём не только мягких тканей. И, как следствие, омоложению организма сопутствует интенсивная выработка дофамина, адреналина, прочих житейских гормонов, так сказать. Всё как в молодости. И показатели когнитивных способностей, регенерации тканей также заметно растут.

— Ну, хоть что-то я стал понимать.

— Хорошо. Причём эта выработка идёт без высокой амплитуды. И без гормонального шторма. Всё в умеренном диапазоне. Я не поэт. И не рекламщик. Но мы тут привыкли считать, что у нас покупают не укол, а свет молодости. Юный бодр и волен, старый вял и болен, старость — мрак, а юность — свет⁷.

— Неплохо сказано. А что это за доноры?

— Пусть вас это не беспокоит. Законов мы не нарушаем. Просто доноры — это не совсем, в моём понимании, люди. В их телах есть инородные устройства, отчего процесс образования новых клеток ускоряется, как и выработка специального фермента, того самого тау-каспаза-8. Просто представьте, что некий суррогатный пьяница готов вместо вас страдать от похмелья, тогда как вы будете наслаждаться приподнятым настроением, куражом без...

Заслушавшись, Пак не заметил, как подошла медсестра, и вздрогнул от её слов:

— Господин Хон! Я же просила вас никуда не уходить.

Доктор Мун, проводив посетителей, подошёл к смотровому кабинету и движением руки около электронного замка открыл дверь.

Всё как всегда за этот год: нейроинтерфейс, анализы, холодные напутственные слова из смежной комнаты под шум льющейся воды:

— Желаю успехов в ваших приключениях, господин Хон.

— Извините, доктор. Но я Пак. Такая уж фамилия досталась мне от родителей. А родителей надо чтить.

— Знаете, — доктор встал в дверях, вытирая полотенцем руки, — всем воздастся по мечтам. Жизнь настоящая, она там, где вы живёте. И настоящее имя оно там же. А что касается ваших родителей... Вы, конечно, любопытный человек. Я ознакомился с вашим профайлом. Вы не стали напоследок от жизни откусывать кусок повкуснее. Вместо этого оплатили ко-

лумбарий до конца своего дожития. Хотя могли гулянуть.

— Пока я жив...

— Ерунда это всё, — доктор Мун, словно услышав очевидную глупость от нежеланного и недалёкого собеседника, перебил его. — В колумбарии может находиться прах людей, у которых жив хоть один близкий родственник. Но, поскольку колумбарии переполнены, правительство недавно заменило «жив» на «активен». А те, кто вступил в фазу дожития, к таким не относятся. Так что прах ваших родных уже развеян над морем. А вы теперь свободны от обязательств. Можете наслаждаться дожитием.

— Что? — Пак хватанул ртом воздух. — Доктор, как же...

Тот безразлично пожал плечами:

— От чего вы всполошились? Не переживайте так. Это всё равно когда-нибудь случилось бы.

Что-то поднялось внутри, — резкий вдох и выдох, вдох и выдох, — волна за волной накатывало под стук в висках и стало биться, захлёстывая плотину смирения: один, на веки вечные один.

— Донор, я для всех вас только донор. Аккумулятор для... света молодости.

Доктор Мун вопросительно взглянул на сестру Ю-джон, та, покраснев, лишь виновато смотрела в пол.

— Слушайте, господин Хон...

— Пак! Я — Пак!

— Хорошо, господин Пак, как скажете.

— Не хорошо, это очень не хорошо! Я всё-таки...

А вы... Вы... — Пак не смог подобрать слов. И от этого бессилия, невозможности высказаться, выразить звуком боль, а значит, быть услышанным, оглушить криком несправедливость, он принялся затравленно озираться по сторонам. Чтобы сделать что-то, раз не получается веcko выразиться. Тут его взгляд упал на кресло.

Пак схватил оттуда халат и, выскочив из кабинета, бросился в направлении перехода, чтобы вырваться в город. Но с другой стороны коридора уже шли два безопасника с дубинками.

Увидев беспокойного клиента, те прибавили шаг. Один показывал, что нужно остановиться. Другой угрожающе стучал дубинкой по ладони. Пак развернулся и кинулся обратно. В дверях смотрового кабинета стоял доктор Мун, с укором смотря на подопечного. Пак свернул в холл, к окну. Удар ногой, плечом, ещё плечом, сильнее — до хруста, но бесполезно. Окно не поддавалось. Тогда Пак прислонил рукав халата к электронному замку около кабинета, где невольно подслушал разговор, и заскочил внутрь. Тут же постучал рукавом с картой доступа часто-часто по считывателю изнутри, и тот, среагировав на панику нервной дробки, заблокировался. Ручка дёрнулась, потом затряслась, как в припадке. Снаружи рывкнул грубый голос:

— А ну открывай. Мы всё равно дверь сломаем. И тебе кое-чего.

Потом раздался спокойный голос доктора Муна:

— Не надо дурить. Сбежать не получится. Ничего не изменишь. Все документы вы подписали.

Пак стал озираясь: окно сплошное, без створок. Не выбраться. Дверь. Как в смотровой — смежная комната. Подбежал и схватился за ручку: закрыто. Прислонил рукав халата. Дверь открылась. Сам собой включился свет. Окон нет, только ряды каких-то шкафов на таких же электронных замках со стеклянными створками, внутри, на заиндевелых полках, ровными рядами расставлены упаковки ампул с крохотными жемчужинками на дне. Пак прислонил рукав ко всем шкафам. Замки запищали, и двери стали открываться.

— Эй, что вы там делаете? — встревоженно закричал доктор Мун. — Не смейте! Это очень дорогое лекарство. Слышите?

И в сторону:

— Ломайте дверь. Быстрее. Он же там всё разгромит.

В дверь замолотили чем-то тяжёлым. Полотно треснуло. Пак посмотрел на упаковки, потом на дверь, в которой уже образовалась прореха. И начал сбрасывать содержимое шкафов на пол, наслаждаясь этой божественной музыкой, пиццикато падающих ампул. Потом прошёлся туфлями с эмблемой клиники по тем, которые не разбились, чуть пританцовывая под лёгший на душу ритм, туда и обратно, туда и обратно, растягивая оставшуюся ему часть вечности. Мир не изменился, но его ощущение стало совершенно иным. Внутри бурлила жизнь. Жизнь яркая, вольная и бодрая. Настоящая жизнь, вечная жизнь. И это были мгновения бессмертия. Его, Пака, бессмертия.

Дыру расширили, и в пролом влез охранник, бросился в ярости к Паку, закричал, замахнулся дубинкой.

И свет померк.

* * *

Как только отгрохотали взрывы, в образовавшиеся проломы бросились первоконсульские головорезы. Охране удалось прижать их к земле плотным огнём, но ненадолго: следом шагнула громадная фигура и направилась к главному зданию. Энергоимпульсы хлестали по модифицированной броне, не нанося ощутимого урона. Зато защитники падали один за другим.

Понимая, что времени осталось мало, Морисанти увёл ингарийского профессора ко входу в катакомбы, дал навигатор, который указывал путь на поверхность и дальше, к шаттлу, пожелал удачи, а сам бегом направился к главному входу.

Нужно задержать этих безжалостных убийц. Любой ценой. Секрет бессмертия не должен по-

пасть в руки спятившего Первого консула. Даругиец снял винтовку с предохранителя, и, присев, стал из-за угла следить за дверью. Как только та стала открываться, он выстрелил, потом снова и снова. Перевёл дух, всмотрелся: вроде бы никого. Но тут же в проём влетела шоковая граната.

Последнее, что увидел Морисанти, была стоящая над ним огромная фигура, которая наводила дуло винтовки прямо в лоб.

* * *

Как только отгрохотали взрывы, в образовавшиеся проломы бросились первоконсульские головорезы. Охране удалось прижать их к земле плотным огнём, но ненадолго: следом шагнула громадная фигура и направилась к главному зданию. Энергоимпульсы хлестали по модифицированной броне, не нанося ощутимого урона. Зато защитники падали один за другим.

Понимая, что времени осталось мало, Морисанти увёл ингарийского профессора ко входу в катакомбы, дал навигатор, который указывал путь на поверхность и дальше, к шаттлу, пожелал удачи, а сам бегом направился к главному входу.

Нужно задержать этих безжалостных убийц. Любой ценой. Секрет бессмертия не должен попасть в руки спятившего Первого консула. Даругиец снял винтовку с предохранителя, и, присев, стал из-за угла следить за дверью. Как только та стала открываться, он выстрелил, потом снова и снова.

Перевёл дух, всмотрелся: вроде бы никого. Но тут же в проём влетела шоковая граната.

Последнее, что увидел Морисанти, была стоящая над ним огромная фигура, которая наводила дуло винтовки прямо в лоб.

* * *

Как только отгрохотали взрывы, в образовавшиеся проломы бросились первоконсульские головорезы. Охране удалось прижать их к земле плотным огнём, но ненадолго: следом шагнула громадная фигура и направилась к главному зданию. Энергоимпульсы хлестали по модифицированной броне, не нанося ощутимого урона. Зато защитники падали один за другим.

Понимая, что времени осталось мало, Морисанти увёл ингарийского профессора ко входу в катакомбы, дал навигатор, который указывал путь на поверхность и дальше, к шаттлу, пожелал удачи, а сам бегом направился к главному входу.

Нужно задержать этих безжалостных убийц. Любой ценой. Секрет бессмертия не должен попасть в руки спятившего Первого консула. Даругиец снял винтовку с предохранителя и, присев, стал из-за угла следить за дверью. Как только та стала открываться, он выстрелил, потом снова и снова. Перевёл дух, всмотрелся: вроде бы никого. Но тут же в проём влетела шоковая граната.

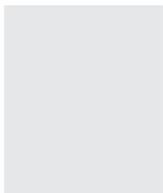
Последнее, что увидел Морисанти, была стоящая над ним огромная фигура, которая наводила дуло винтовки прямо в лоб.

* * *

Как только отгрохотали взрывы, в образовавшиеся проломы... **UC**

1. Учреждение, где хранятся после кремации урны с прахом.
2. Мудра (ритуальный жест), обозначающий в данном случае одновременно приветствие и благодарность.
3. Обращение младшего брата к старшей сестре в Корее.
4. Orient Overseas Container Line. Трансконтинентальный морской перевозчик и логистический оператор, управляющий портовыми терминалами и складскими комплексами.
5. В данном случае элемент портового козлового крана, устройство для захвата контейнеров.
6. Старик-сказочник в корейском фольклоре. Иногда совмещается с образом хенина, мудреца, наставника.
7. Уильям Шекспир. Страстный пилигрим, ч. 12. В пер. В. Левика.

Одиночество и грёзы

Виктор Слипечук

Родился 22 сентября 1941 г. в селе Черниговка Приморского края. Член Союза писателей СССР с 1982 г., автор многих повестей, рассказов, очерков. В настоящее время в издательстве «Художественная литература» выходит собрание сочинений писателя в восьми томах. В июне 2022 года удостоен Евразийской литературной премии «Новый Сказ» памяти П. П. Бажова: диплом лауреата Гран-при конкурса в номинации «Проза» с присвоением звания «Мастер литературных шедевров» и вручением кубка «Стеклянная жемчужина» за сборник фантастики «Одиночество и грёзы».

Он стоял у избы. Капли дождя, залетавшие под напуск тесовой крыши, расплзались по отмостке, словно капли времени, овладевавшие его звездолётом. Тогда он вот так же стоял, прижавшись спиной к экранолокатору, гасящему чужие вибрации, и капли времени, словно капли дождя, обходя его, овладевали земным пространством.

Это пространство в безднах чужих галактик было меньше самой маленькой капли. И он понимал, что, как только эта капля исчезнет, исчезнет и он, и все земные предметы, и сам корабль, этот звездолёт — чудо земной технической мысли, предметно воспроизводимой лишь на уровне генных нанотехнологий. Всё это исчезнет. То есть приобретёт другие, несвойственные им вибрации и выпадет из земного времени. И, стало быть, навсегда утратятся для самих себя. То есть станут другими, как и он, научившийся не только различать напряжённость космических вибраций, но и чувствовать неуловимое веяние света, всегда направленное в сторону Главного Аттрактора. Это новое чувство ему подарил Космос.

Отмостка всё более и более темнела, а на душе становилось пустынно и одиноко.

Он почувствовал, что звездолёт, исполненный как продолжение его органов чувств, стал энергетически сдуваться, словно проколотый мяч. Всё вокруг уменьшилось и продолжало уменьшаться, и только земное время, бегущее в корабельном хронометре, каким-то образом проникало в его мозг и, словно бы усилившись, спешило обратно на пульт управления.

— Осталось семь секунд. Одна сто шестнадцатая минуты... Одна девятнадцатидесятитысячная часа... Одна...

— погоди, хронометр, ты умеешь говорить человеческим языком?

— Здесь все предметы с Земли сейчас могут говорить всеми человеческими языками, потому что язы-

ки умерли. Мы вернулись или приблизились ко времени, когда слов не было, а было состояние понимания, которым человек воспользовался — придумал слова, сосредоточил на себе планетарное сознание и земное время.

— Да-да, это Бог привлёк человека, чтобы он дал имя каждому животному и каждому предмету и мог на равных входить с ними в общение. Это была большая победа.

— Но и большое поражение, потому что в скорлупе своего времени язык таил преграду инопланетному пониманию. А сейчас мы вырвались из заточения земного времени, заключённого в сосудах слов, и говорим на одинаково нисходящей волне энергии космоса, то есть мы обесточиваемся до вселенского уровня.

— Но почему так медлительны секунды, как будто в них дни или даже года?

— Это потому, что, обесточиваясь, земную последнюю каплю времени звездолёт отдаёт тебе. Для твоего последнего желания, в котором все земные предметы надеются состояться.

— Выходит, есть надежда, что через семь секунд звёздолёт преодолеет чужой временной барьер и мы в итоге найдём дорогу домой?

— Нет, это твоё время. Твои последние семь секунд, которые ты волен использовать по своему усмотрению.

— Хорошо-хорошо, поспеши на пульт.

— Но в этом нет необходимости. Осталось три секунды земного времени, а мне, как хронометру, надо на одну десятую больше, чтобы ещё раз вернуться и донести всем предметам твоё последнее желание. Потому что, оберегаемые мною, они уже давно ждут тебя, они ждут, чтобы стать неопровержимой временной сущностью звездолёта.

— Выходит, есть надежда, а стало быть, и вера в меня?

— Да, мы, неодушевлённые предметы, верим в тебя, потому что одухотворены тобою. Мы избрали твою позицию, позицию верующего человека. Она представляется нам твёрже позиции атеиста. Все наши выкладки подтверждают, что лучше иметь надежду и обещание, чем не иметь и этого.

— Но что можно сделать за три секунды?

— Последние секунды состоят из земной материи, и они действительно длиннее дня, потому что твоя мысль быстрее скорости света и быстрее времени.

— Нет-нет, хронометр, то, что ты имеешь в виду, — это вездесущность, а она подвластна только Богу.

— В последнюю долю секунды Ты станешь Богом, потому что круг твоей жизни сожмётся в такую маленькую точку, в которой даже самому ничтожному насекомому не составит труда стать вездесущим. В последний момент его лапки будут видны за линией горизонта и предстанут многотонными столпами великана, спустившегося с небес. А ты — Человек, твои чувства и мысли будут изливаться в чужие миры из этой маленькой точки, словно из переполненной чаши. Та же теория большого взрыва, в которой плотью вещества, расширяющего пространство, предстанут не материальные субстанции, а магнетизм сознания, улавливающего излучение бегущей мысли.

— Я никогда не стану Богом. И смею полагать, что человек никогда не станет Богом. И, слава богу, что я это понимаю. Человек может только приблизиться к Богу, именно это, хронометр, стало ловушкой твоим расчётам, ты слишком уверовал в бесконечность движения и в бесконечность времени. Но именно здесь и явствует великая истинность

апории Зенона Элейского, что быстроногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаху. И всё же я верю твоим расчётам — у меня уйма времени?

— Да, у тебя уйма времени, — не колеблясь, возвестил хронометр.

Он усмехнулся.

— В таком случае, и ты, и все предметы, не пропустите заветной встречи с Богом. А мне самое время уяснить — к чему тяготеет душа, когда ей дана вездесущность.

И ушло изображение хронометра и пульта, и самого звездолёта под какими-то движущимися световыми арками, заполненными серебристыми облаками, в пространстве которых вспыхивали как бы блуждающие огни фейерверка.

И он почувствовал — время исчезло. Так было и прежде, когда являлась она. Так произошло и сейчас.

Он увидел её. Она стояла возле новогодней ёлки в окружении подруг. На ней было золотистое атласное платье в лепестках повилики, собранной в венки, на которых мелкие ярко-белые цветики сияли словно россыпи звёзд. Белые туфли и белый широкий пояс по талии. Такие же белые шёлковые перчатки и чёрная сверкающая алмазами полумаска, сдвинутая на туго затянутый узел светло-русых волос.

Слушая подруг, она улыбалась, и вдруг глаза их встретились. Между ними словно пробежал электрический импульс. И они, как два сомнамбула, ведомые необъяснимым магнетизмом, потянулись друг к другу. Нет-нет, ещё не здесь, а там, в отдалённых потоках сознания. Да-да, что-то помимо их воли сообщилось, и сердце воскликнуло:

— Ты есть! И это ты!

— Да, я есть! Да, это я! — отозвалась она с такой радостью, что он почувствовал в себе как бы эхо её восторга. Эхо, которое вдруг наполнилось радостью узнавания, что она — это она. Узнавания, которое вдруг раздвинуло мир, и он почувствовал, что у мира нет границ, но душа легко охватывает его, потому что сама неохватна.

Что это было? Необъятное пространство? Или пространство всех возможных пространств, пронизанное и сотканное из вещества сознания?

— Ты есть! И это ты!

— Да, я есть! Да, это я!

Словно блики света, они неслись навстречу друг другу и, сталкиваясь, радужно рассыпались по веществу, сделанному из таких же, как и они, бликов. Бликов, почему-то уснувших и вдруг отозвавшихся на их электрический импульс. Это был танец движения света, когда на затемнённом зеркальном глобусе блики вспыхивали и исчезали, вспыхивали и исчезали, и вдруг вновь рождались и, сталкиваясь, рассыпались на множество разноцветных лучей.

А здесь, под новогодней ёлкой, в актовом зале института, ударник джазового оркестра как бы пробежал дробью по головам и зыкнул тарелками.

И на затемнённом глобусе разом активировались и засияли все блики. Они засияли словно солнце.

«О, я люблю тебя, Вишнёвый сад», — запели кларнеты студенческого джаза. И маски, плотной стеной отозвавшиеся на музыку, бесцеремонно подтолкнули его, и он сказал — разрешите! Она в ответ засмеялась, и этот смех ослепил его, то есть там, где пребывало сознание, он увидел прямо перед собой солнце.

Подруги ретировались, и они в этом переполненном актовом зале вдруг остались одни. (Два космических блика — нежданно-негаданно слетевших с небес.)

— Вы всех так бесцеремонно приглашаете? — спросила она и, чтобы он не увидел её необъяснимой радости, тут же опустила сверкающую полумаску на глаза.

— Да, он такой, всех так бесцеремонно приглашает, — сказал он о себе в третьем лице.

И стал заливать, то есть врать, как врут завзятые рыбаки и охотники.

Она узнала, что он опаснейший сердцеед, перед которым все донжуаны мира есть только бледная тень. Он заливал весело, с поговорками и пословицами, и отчётливо видел (полумаска не могла скрыть), что она не верит ни единому его слову. И это особенно пленило и воспламеняло. Он шутил, смеялся над своими вымышленными победами, а когда иссякал, она неожиданно остроумно подыгрывала ему — «О, есть у нас Вишнёвый старый сад — зовёт под розовую тень!».

Когда музыка закончилась и по правилам приличия он должен был расстаться с нею в угоду подругам, нетерпеливо подзывавшим её, он неожиданно для себя сорвал с ёлки игрушку — серебряную белочку, грызущую золотые орешки на фоне зелёного кедрового домика.

— Пожалуйста, примите эту кражу со взломом, — умоляюще сказал он.

И она испугалась.

— Мы что же, никогда больше не встретимся?!

Он поднял голову. Сквозь облачные расслоения вырывались штандарты солнечных лучей. Вдали на тёмно-синей полосе горизонта зажглись две прямых коротких радуги. Такое впечатление, будто стоят два человека, объятые аурой, — взрослый мужчина и мальчик, пригостишка. И он вспомнил, как много-много лет назад его сын нарисовал точно такие радуги и сказал:

— Это ты и я — мы на новом небе новой земли.

В единый миг он почувствовал и горечь, и радость — сын понимает его. Он тогда улетал на Проксиму Центавры на поиски так называемых кочующих планет. Тогда никто не предполагал, что они созданы искусственным разумом. Более того, не было никаких свидетельств, что они вообще существуют.

Радуги стали, как бы выцветая, бледнеть и наконец исчезли. Горизонт, вспухая, приблизился, и капли, налившись, замерли. Ни ветерка, ни шороха. Всё умерло. И вдруг ветер мощным порывом пробежал по макушкам деревьев и сгас. День потемнел, и сразу раздался приближающийся рокот грома. В стригущем движении молний свод неба задрожал и, словно сорвавшись с цепей, обрушился белым ливнем.

Направляясь к беседке, увитой плющом, он съёжился, представил, как холодные ручейки побегут за шиворот. Но ливень не коснулся его. Он словно бы находился под прозрачным стеклянным куполом.

Служба охраны интеллектуальной собственности, СОИС, использует возможности его звездолёта так, словно это не Земля, а какая-то чужая планета. Они всё знают о нём и почему-то не отпускают его. Нет-нет, они не нарушают его свободы воли, считаются с законами, которые были выработаны для таких, как он, исследователей дальнего космоса. Со временем эти законы стали основой нравственных тяготений. Но он не исключал и того, что человеческие возможности, в том числе и биологические, с тех пор значительно возросли. Во всяком случае, неминуемо претерпели изменения, и, возможно, его нравственные тяготения не вписываются в нынешние постулаты. Всё как бы то же самое, но на другой

ступени понимания. Они говорят, что по биологическому времени ему шестьсот лет, а по старому земному летоисчислению более десяти тысяч. За свою жизнь он насмотрелся всего, его невозможно удивить. И всё же он удивился. Оказывается, по земному сегодняшнему времени ему всего пять лет. Впрочем, как раз в этом нет ничего удивительного, ведь со времён его отсутствия летоисчисление на Земле менялось трижды.

Он вошёл в пространство беседки к плетённому из прутьев шезлонгу-качалке. Ему нравилось, покачиваясь в нём, слушать, как вода позванивает в водосточных трубах и, булькая, изливается в каменный жёлоб. У так называемой водонапорной башни (отрезок металлической трубы, выдвинутый из другого пространства и висящий в воздухе) вода разбегалась на сеть мельчайших ручейков, которые за счёт искусственной гравитации текли вверх и вниз, орошая каждое дерево дендропарка.

Он бывал здесь с нею. Когда никто и слыхом не слыхивал, что гравитация создаётся в том числе и психической энергией и, может, как статичное электричество, использоваться на бытовом уровне. Впрочем, разве комфорта было меньше, оттого что деревья орошались в согласии с простой непреложной истиной — вода всегда течёт вниз.

Он улыбнулся — ему пять лет. И всё же в биологические пять лет он был полон вопросов, ему до всего было дело. А сейчас даже представить не может, что могло бы его заинтересовать. Он прислушался к себе как корабельному хронометру. Увы, он не слышал ничего. В электронном чреве корабля, неразрывно связанном с ним психической энергией, сейчас на все его вопросы возникают молниеносные ответы, опережая и исчерпывая самую возможность вопросов.

Да, это так. Все вопросы гасятся знаниями космоса, в который благодаря проекту поиска искусственных планет была принята Земля. Его сравнивают с Юрием Гагариным — первооткрыватель эры Космического Сознания, в котором нет степеней: этот выше, а этот ниже. Этот живёт в особом доме, имеет особую ракету, летает какими-то особыми путями, так что все преклоняются перед ним. Нет! У всех равнозначная работа, а высшее благо — Любовь.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто»*.

И он опять увидел её. Она стояла вдаль, в глубине колоннады, прислонясь к колонне. Её не должно было быть, они условились, что на причал расставаний она не придёт. Они отвезут сына к бабушке и, как обычно, разъедутся — она поедет в институт, а он сюда, чтобы следовать к звездолёту и отчалить, как она говорила, в свой дальний космос.

Народу было слишком много. Все теснились к машинам сопровождения. Выступления первых лиц проекта. Краткие, пафосные напутствия. А особенно восторженные взгляды многочисленных почитателей, обращённые в его сторону, не оставляли времени ни на что личное. Впрочем, всё это они предвидели, когда решили, что она не придёт на причал. Но даже не это было главным. Оберегая её и сына, он пытался придать расставанию статус обычного, незначительного, как бы несвязанного с дальним космосом. И вдруг — она здесь. Он совершенно случайно по-

смотрел вглубь колоннады. Он не должен был туда смотреть. Тем более что его приглашали сняться в коллективном фото рядом с президентом. Но он посмотрел, и между ними пробежал внезапный импульс. Какой-то внешний, как будто бы к нему не относящийся. Он опустил глаза. И вдруг увидел солнце, и всё в нём вскинулось — «О, я люблю тебя, Вишнёвый сад!». Блики света вошли друг в друга, и, кажется, она вскрикнула или ему показалось?!

Он поднял глаза и на экранолокаторе увидел её всю-всю из той первой встречи. Она летела к нему радостным бликом его очнувшегося сознания.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит.

Любовь никогда не кончается...»**

Он увидел себя с новогодней игрушкой серебряной белки и услышал её: «Мы что же, никогда больше не встретимся?!»

Он стоял возле экранолокатора и чувствовал себя растерзанным. Потом, отделяя каждое слово выверенными паузами, исключаящими иное толкование, он приказал весь запас времени, имеющийся у звездолёта, употребить на исправление своего поведения на причале. Хронометр не возражал, но сообщил, что изменённое поведение никоим образом не скажется на исчезающем времени и лишь напрасну истратит его. Дальний космос поглотит их, они не успеют даже вымолвить, что они с планеты Земля.

На экранолокаторе появились очертания каменной колоннады и — она. И сразу — он. Он не по-

зволил ей испугаться: «О, я люблю тебя, Вишнёвый сад!»

На ней было золотистое атласное платье в лепестках повилики, белые туфли и белый широкий пояс по талии. Такие же белые шёлковые перчатки и чёрная сверкающая алмазами полумаска, сдвинутая на туго затянутый узел светло-русых волос.

Слушая подруг, она улыбалась, и вдруг глаза их встретились. И он почувствовал, что они рядом, что они вместе, что они одно целое. «О, есть у нас Вишнёвый старый сад — зовёт под розовую тень!».

Он шагнул в пространство экранолокатора и уже не мог видеть, что глобус хронометра, вдруг солнечно вспыхнув, стал темнеть. Темнеть и таять, сжимаясь в плазменный шар. Шар уменьшался и оттого как бы прибавлял яркости — противление света, пожирающей сути хаоса. Последний пронзающий блик и — взрыв.

— Ты — есть! И ты есть — я!

Почувствовав эхо её восторга, он пришёл в себя. Сколько пребывал в забвении — не помнил. Хронометр бесстрастно повторял, что они преодолели временной барьер и со скоростью мысли возвращаются домой, на родную Землю.

Он окинул рассеянным взглядом мокнущее пространство сада и, слегка качнувшись, почувствовал ребристую твёрдость подлокотников.

Наверное, уют земного дома — и в этой беседке, и в этом плетённом из ивовых прутьев шезлонге? Во всяком случае, у него есть возможность поселиться в любом уголке своей памяти.

Он улыбнулся и прежде, чем подумал об адресе, услышал музыку студенческого джаза «О, я люблю тебя, Вишнёвый сад!..» **VC**

* 1-е коринфянам, гл. X111, 1,2.

** 1-е коринфянам, гл. X111, 4-8.

Зелёная дверь в стене

Евгений Мидаков

Родился 12 августа 1975 года в городе Мышкине Ярославской области. Учился на учителя начальных классов, но ушёл с последнего курса в редакцию местной газеты «Волжские зори», где несколько лет трудился фотографом и корреспондентом. Ушёл из газеты, открыв фотоателье, где до сих пор и работает.

Кто бы другой рассказал — не поверил. Но Лёничка... Лёню я знаю с детства. Можно сказать, всю жизнь знаю. Мы и жили по соседству. Вместе учились, вместе отдыхали. Играли в футбол, ходили на рыбалку. Помню, когда Лёничке подарили на день рождения велосипед, первое, что он сделал, это предложил мне прокатиться. Никогда он не был жмотом. И дураком тоже не был. Сколько себя помню, он всегда стремился быть первым: и в учёбе, и в спорте, и вообще.

Наверное, поэтому он и женился самым первым из нас. На красивой и статной девушке по имени Светлана, с глазами, словно два бездонных голубых омута с весёлыми искорками в глубине. И, как водится, поначалу всё у них было хорошо. Шли годы. Мы стали реже видеться. Вскоре и я остепенился, обзавёлся семьёй. И только через пару лет заметил, что мой друг Лёнька начал меняться. Куда только делся его задор? Всегда лёгкий на подъём, теперь он стал угрюмым и неразговорчивым. У меня уже подрастали двое сорванцов, а Лёнька так и не обзавёлся настоящей семьёй. У них почему-то не было детей. Может, поэтому он начал пить. А однажды, когда я пришёл проведать его дома, дверь мне открыла Света и глаза у неё были на мокром месте. Очевидно, дело шло к разводу.

В тот день я напился. Купил по дороге домой бутылку водки, колбасы с помидорами и, ничего не говоря, просто заглянув в глаза жене, ушёл в гараж. Мы никогда с ней об этом не говорили, но, мне кажется, она всё тогда поняла... В общем, я не удивился, когда снова увидел Лёничку пьяным. Но то, что он говорил... Это было невыносимо. Помню, я тогда подумал про белую горячку. Да и было с чего! Какие-то стены, какие-то тайные двери. Скорее из жалости, я согласился пройтись с ним до Ситцкого сада.

— Ну, — спросил я, когда мы остановились у входа, — где твоя волшебная дверь?

Лёничка воровато оглянулся, выискивая кого-то среди прохожих, и, схватив меня за рукав, потащил через главные ворота внутрь. Мама и бабушки, пришедшие со своими чадами в этот парк отдыха, провожали нас подозрительным взглядом. Но Лёню было не остановить.

— Я тебе вот что скажу, дружище, — немного волнуясь, сбивчиво говорил он... — Сперва ты должен убедиться, что никакого потайного лаза тут нет. В смысле, с обратной стороны.

Он подвёл меня к дальней стене сада, что скрывалась за искусственным прудом и редкими кустами. Ткнул пальцем на покрытую белой штукатуркой стенку высотой мне по пояс, которая продолжалась вверх ажурной решёткой:

— Что видишь?

— Стену вижу, — терпеливо сказал я.

— И больше ничего? — уточнил Лёня.

— Больше ничего.

— Отлично! — воскликнул он и потащил меня назад, к воротам.

Решив не задавать лишних вопросов, я последовал за ним. Мы вышли наружу и, обойдя сад, подошли к той самой стенке с другой стороны. На ней чьей-то аккуратной рукой действительно была нарисована небольшая зелёная дверца. Скруглённая верхняя часть, массивные резные петли, как будто из металла, и даже большое массивное кольцо вместо ручки. Я восхитился:

— Лёнь, ты классно рисуешь!

— Да это не я, — он даже пихнул меня локтем, словно приводя в чувство. — Ты что, не помнишь мои оценки по рисованию?

— А кто же тогда? — Я подошёл ближе и присел на корточки. — Выглядит очень натурально.

— Да неважно, кто! — Он присел рядом и заглянул мне в глаза. — Важно, что из этой двери сегодня вылез какой-то старик!

Я промолчал, внимательно разглядывая его опухшее лицо.

— Чем хочешь могу поклясться! — дохнул он перегаром.

Я медленно поднялся.

Лёня вскочил следом:

— Геша, я всё понимаю! Я понимаю, как это звучит.

Но я ещё не сошёл с ума.

— Ты ведь в запое, — с сомнением сказал я.

— Да при чём здесь это! — воскликнул он. — Я никогда не допивался до... до...

Он посмотрел на зелёную дверь долгим, задумчивым взглядом. Потом решительно повернулся ко мне и где-то в глубине его серых, подёрнутых тоской глаз на миг промелькнул прежний, озорной и решительный, Лёничка.

— Давай сделаем так... — предложил он. — Того старика я видел сегодня примерно час назад, то есть в шесть вечера. Значит, завтра в пять зайду за тобой. Идёт?

Трудно сказать человеку, что он неправ. Тем более, если знаешь его с детства.

— Интересное предложение... — вздохнул я. —

А если..?

— А если его не будет, я забуду об этой дурацкой двери.

— Идёт!

Мы ударили по рукам.

В назначенный час меня дома не оказалось — пришлось задержаться на работе. Да и, если честно, я совсем забыл о данном обещании. Вернулся полшестого, тут жена и спрашивает, не видал ли я Лёничку, а то он недавно заходил. Ох, давно мне не было так стыдно! Схватил со стола бутерброд с колбасой, сказал, что Лёньку надо спасать, и был таков. До Ситцкого сада дошёл минут за 15, благо, город маленький. Смотрю, Лёня на корточках у двери этой нарисованной сидит. Точнее, у стены, потому что никакой двери на той стене уже не было.

— Здорово, — говорю, — Лёнь. Ты зачем дверь стёр?
Лёнька вздрогнул от неожиданности, поднялся и говорит:

— А, Геша... — вроде как и не обиделся на моё опоздание, только носом так странно повёл. — А я тут весь день в засаде просидел и знаешь что?

— Что? — спрашиваю.

— Проголодался я — вот что. Нет у тебя чего пожевать?

— Держи, — достал я из кармана бутерброд в целлофановом пакетице.

Лёнька принялся уминать бутерброд, а сам в сторонку отходит и меня за собой зовёт:

— Давай-ка мы с тобой в засаде посидим. Ни к чему, чтобы он нас видел.

— В какой засаде, Лёнь? Двери-то нет.

Лёнька только ухмыльнулся загадочно, но ничего не сказал. Ладно. Спрятались мы в кустах и стали ждать. Лёнька бутерброд свой хомячит, а я сижу и сплони пускаю. Всё-таки с обеда ничего не ел, а тут салями с чёрным хлебушком... Но, думаю, ладно. Не бутербродом единым. Отвлёкся, в общем. Вдруг чувствую, Лёнька меня за рукав дёргает, а сам смотрит, не отрываясь, на стену и глаза у него как площадки огромные.

Посмотрел и я. Смотрю и чувствую, как волосы на затылке начинают шевелиться: на белой стене, где секунду назад ещё ничего не было, проступило, словно из глубины, изображение той самой двери. Дверь распахнулась, а из неё на четвереньках вылез какой-то старик. А дверь-то нарисованная! Старик по сторонам зыркнул внимательно, дверцу за собой прикрыл и как ни в чём не бывало пошёл себе, посвистывая.

Вылезли мы из кустов. Я отряхиваю брюки, а руки дрожат. Ясное дело, надо выпить. Но Лёнька божится, что нет у него ничего. Второй день, мол, не употребляет. А ещё друг называется...

— Веришь теперь мне? — спрашивает.
Я только плечами повёл, то ли от холода, то ли от жутки:

— Тут и не захочешь, да согласишься. Только как же это, а?

— Ты погоди, Геша, самое интересное то, как он эту дверку открывал.

Лёня снова присел перед дверцей на корточки. Стал рукой по стене водить. Рукой шарит, а сам комментирует:

— Понимаешь, старик, он вот так же сидел. Только у него сразу получилось: присел, руку протянул, и кольцо вот это самое у него в руке оказалось.

Я бесцеремонно отодвинул Лёню в сторону. В душе бурлила какая-то удивительная сила.

— Дай-ка! — Я присел на корточки рядом с дверью.

Оглядел её внимательно и попытался ухватить рукой за нарисованное кольцо. Ага. Только Лёничку рассмешил. Я задумчиво так на дверцу эту зелёную посмотрел, а на самом деле сквозь неё, куда-то вдаль. И в этот миг мне вдруг показалось, что дверь вовсе не нарисована на стене, что она самая что ни на есть настоящая, и если прикоснуться к ней, то можно ощутить шероховатость струганого дерева и холод железных петель. И, конечно, тяжёлую чугунную ручку тоже можно ощутить...

Были в моём детстве такие странные рисунки на обложках тетрадей: если смотреть не мигая сквозь них, то можно увидеть какую-нибудь объёмную картинку. Не помню, как это называлось. Мне эти фокусы всегда давались легко, а вот Лёньку они только злили. У него это никогда не получалось. Я протянул руку и, взявшись за тяжёлое кольцо, потянул дверцу на себя. Медленно и совершенно беззвучно она открылась. Лёничка ахнул и, упав на четвереньки, заглянул внутрь... За дверцей открывался небольшой туннель, который метра через два терялся в густом зелёном тумане. Я удивлённо поднялся

и посмотрел на стену. Толщина её была всего сантиметров сорок. Честно говоря, весь лимит удивления на сегодня был уже мною исчерпан. Но тут сюрприз преподнёс Лёничка. Он, недолго думая, залез в туннель и на четвереньках засеменял на другую сторону.

— Куда?! — зашипел я, но было поздно.

Пытаясь вернуть его, полез следом.

Конечно, не успел. Вывалился из стены на той стороне, больно стукнувшись обо что-то коленкой. Лёни рядом не было. Только детсадовский мальш стоял неподдельно, внимательно меня разглядывая. Кое-как поднявшись, я посмотрел на дверь. Удивительным образом она стала значительно больше. Да и стена, что раньше едва доставала мне до пояса, теперь была выше меня.

Это навело на мысль: а в том ли самом саду мы очутились? Может, это какой-то параллельный мир, другое измерение? Или что там в таких случаях бывает? Как-то непроизвольно захотелось домой. Я уже собрался было залезть обратно, наплевав и на Лёничку, и на всяческие тайны, как вдруг услышал насмешливый детский голос:

— Геша, я не узнаю вас в гриме.

Медленно обернувшись, я увидел всё того же мальчонку. Только теперь он стоял, уперев руки в боки, и на губах его блуждала улыбка. И вот что странно: я видел его глаза на уровне своих глаз, а ведь смотрел с высоты роста взрослого человека. Или... Страшное подозрение закралось в душу. Медленно опустив голову, я оглядел себя. Куда только делся мой деловой костюм... А руки? Почему они такие маленькие?! Ещё раз недоверчиво оглядев себя, я перевёл взгляд на мальчика напротив и вдруг что-то знакомое почудилось мне в его облике. Очень-очень знакомое! Совсем позабытое.

— Лёня? — спросил я тоненьким голоском.

— Ага! — довольно кивнул мальчуган.

Дальше не помню. Кажется, я потерял сознание...

— Милый, вставай! Завтрак готов.

Ещё не проснувшись окончательно, я сладко потянулся под тонким летним одеялом. Как хорошо! Лето. Отпуск. Любящая жена. И дети в деревне у бабушки.

Лена приоткрыла дверь в комнату:

— Евгеша, я на работу. Завтрак на столе. Не жди, пока всё остынет.

— Спасибо, зая, — улыбнулся я, не открывая глаз.

— Я ушла.

Сквозь дрему я слышал, как хлопнула входная дверь. Но сразу встать не спешил. Так и лежал с закрытыми глазами, вспоминая наши с Лёней приключения. Та странная дверь оказалась не просто дверцей в стене. В зависимости от того, в какую сторону проходить, эффект получался разным. Проходящий снаружи сада взрослый становился ребёнком и наоборот. А ещё каким-то образом исчезала взрослая одежда и появлялась одежда детская. И не абы какая! Одежда была только той, что мы носили в своём детстве. Поэтому на нас так удивлённо сперва и смотрели молодые сотрудники парка, что подрабатывали в нём во время летних каникул. Но только сперва: одежда у нас всегда была чистая, вели мы себя прилично, да и деньги у нас на всякие батуты, катамараны и карусели всегда были. Не сразу, но мы догадались заранее перебрасывать их через ограду.

Сперва мы приходили вечерами, после того, как уйдёт старик. Но потом у меня начался отпуск, а Лёне вообще было всё равно. И стали мы задерживаться в детстве всё дольше и дольше. Тогда и начались у нас проблемы. Помню, мы на качелях качались, когда Лёня как-то странно на меня посмотрел и, схватив за руку, потащил вглубь сада. Не сразу, но он убедил меня залезть в этот туннель за зелёной дверцей.

Несколько минут потом я приходил в себя. А когда понял, что произошло, меня прошиб пот. Ведь я почти забыл себя — взрослого! Почти забыл, кто я такой, всю свою жизнь! И жену, и детей... Меня как холодной

водой окатили. Несколько дней потом я не поддавался ни на какие уговоры и на пушечный выстрел к Ситцкому саду не подходил. С Лёней всё было понятно: он и рад бы всё забыть, но я совершенно не горел желанием начинать жизнь заново в какой-нибудь приёмной семье.

Нет уж! Сегодняшний день был решающим. Сегодня я научу Лёнечку открывать зелёные двери и наши пути разойдутся окончательно. Час-другой в детстве прекрасно снимают стресс, позволяют взглянуть на жизнь по-новому и, может, делают ещё много полезного, но есть и обратная сторона. Если заиграться, можно потерять себя, забыв, кто ты есть на самом деле. Всё забыв. Этого я боялся больше всего. Мне было что терять.

Решено! Я наконец поднялся и босиком прошлёпал на кухню, влекомый запахом ароматного кофе...

— Всё понял? — спросил я в очередной раз.

Лёня нахмурился.

— Дай, — он отодвинул меня от дверцы и вперил в неё недовольный взгляд.

Мы занимались уже полчаса, а толку не было. Лёня пыхтел, хмурился и кусал губы, но ничего не мог поделать. Не давалась ему проклятая дверь, хоть тресни. Я готов был потратить ещё полчаса и даже больше, если придётся, но мой педагогический порыв прервал сам Лёня.

— Это судьба, — вздохнул он.

— Какая судьба, ты о чём?

— Ты понимаешь, старик, я сегодня утром загадал: если получится у меня дверь эту открыть, значит, всё останется как есть.

— А если нет?

— Если нет... — он посмотрел куда-то сквозь меня. — Геша, ты ведь знаешь, у нас со Светой нет детей.

Я кивнул:

— Это беда, но так бывает. Я знаю, как вы друг друга любили. Вы и до сих пор не разошлись только поэтому. Но вы могли бы...

— Нет, Геша, — Лёнечка положил мне руку на плечо и заглянул в глаза. — Не могли бы. Ты знаешь, я давно об этом думал. Быть может, с самого первого дня... Больше всего на свете я хочу видеть Светку счастливой. И теперь я, кажется, знаю, что надо сделать...

Я ахнул, начиная понимать:

— Лёня, опомнись! Ты ничего не увидишь! Всё забудется, ты даже не вспомнишь, кем ты был!

Он упрямо качнул головой:

— Это неважно. А может, так будет лучше. Мне больно вспоминать слёзы на её щеках.

— А вдруг она догадается? Увидит там, не знаю, старые твои фотографии или ещё что?

— А ты бы догадался? Нет, Геша, это выше нашего понимания, ведь так на самом деле не бывает. Она решит, что это просто маленький мальчик. Потерявшийся маленький мальчик, которому очень нужна мама...

Я не нашёл, что ему возразить. Как-то в декабре, ближе к Новому году, мы встретились случайно. Они шли, закутанные в шубки. Снег покрывал их плечи и шапки, лез в глаза, но они, казалось, ничего этого не замечали. Просто шли сквозь вьюгу, крепко держась за руки. Лёнечка наверняка мечтал о сладком подарке от Деда Мороза. О чём ещё могут думать дети в его возрасте? А Света... Быть может, мне показалось, но в её бездонных голубых глазах вновь горели озорные искорки и плескалось почти позабытое, почти потерянное счастье.

А что касается той маленькой зелёной дверцы в стене... Когда на следующий год я случайно проходил мимо, то увидел, что рядом с массивным нарисованным кольцом появилась такая же нарисованная замочная скважина. Волшебная дверца в детство закрылась для меня окончательно. И теперь, если когда-нибудь, ближе к старости, мне вдруг захочется снова туда вернуться, я уже не смогу этого сделать.

Ведь у меня нет ключа. **✎**

Мой выходной

Инна Девятьрова

Живёт в Санкт-Петербурге. Пишет стихи и рассказы в жанре фэнтези и фантастики (в том числе по мифам и легендам народов мира), а также исторические рассказы. Публиковалась в российских и зарубежных русскоязычных журналах: «Уральский следопыт», «Искатель», «Техника — молодежи», «Знание — сила: Фантастика», «Полдень», «Млечный Путь», «Меридиан», «Слово/Word» и многих других, а также в различных сборниках фантастики.

— Берём?

Небрежный кивок.

Я знаю, что я хочу. У меня всё распланировано. «Потребляю — значит, существую» — девиз современности. Я соответствую ему на все сто. И мне нужна помощь, звено в этой сложной цепи, пока ещё отсутствующий элемент.

11:06 выходного дня.

— Антивирус оформим?

У продавца — россыпь рыжих веснушек по скулам и хитрая, с лисьим прищуром, улыбка. Не доверяю любителям впаривать лишнее. Мне положен антивирус бесплатный, облегчённая версия. Зачем платить больше, когда можно обойтись наименьшими тратами?

Навязчивый сервис — бич современности. Защита от спама — невозмутимость. Я щёлкаю картой по кассовой стойке.

— Нет, благодарю. Сколько с учётом доставки?

Глаза продавца холодеют, улыбка съезжает в пониющую скобочку. Программа снова сбоит? Эти бот-продавцы так одинаковы, что даже скучны.

— Двенадцать деньго-единиц. На какое время вам будет удобно?..

Сегодня. Сейчас. Я не люблю ожидания.

11:29 выходного дня.

Скорость — достоинство современности. Я пью кофе в изысканном кожаном кресле (пятнадцать деньго-единиц), на ногах моих мягкие тёплые тапочки (одна деньго-единица, со скидкой), напротив меня — монтажные роботы собирают Доставщик.

Снимают плитку со стены, шурупами крепят светло-голубую панель. Больше мне не придётся затрачивать время на посещение магазинов и болтов-

ню с бот-продаванами, пытающимися развести меня на покупки. Время дорого. Моё — так уж точно.

— Закончили-вышли... — бубню я под нос. — Вышли — и не мешаем, топаем по своим делам... Ать-два!

Дверь за спиной последнего из монтажников отдаёт укоризненным скрипом. Я один. Тишина. Привкус кофе на языке.

12:03 выходного дня.

Я неторопливо встаю. Приближаюсь к Доставщику. Хлопаю по-хозяйски по блестящему боку. Изысканно. Стильно. Гармонирует с мебелью в доме.

— Фуа-гра с ананасами! — сообщаю я в чёрный помутневший экран. — И ликёрчику. Для аппетита.

Последняя фраза излишня. Неинформативна, глупа... но у меня выходной. Я могу позволить себе разные глупости.

Дверца открывается настежь. Чересчур широко для подноса с фуа-гра... успеваю краешком мысли заметить я... успеваю, прежде чем...

— Сегодня в нашем супермаркете акция — закажи товара на две деньго-единицы — и получи на одну деньго-единицу в подарок! — радостно говорит спамо-бот, выходя из-за дверцы. — Мы думаем о наших покупателях! Трам-па-рам! — в его животе играет весёлая музыка. Рот раскрыт глуповатой улыбкой. Зубы спамера безупречно белы.

— Мы делаем вам уникальное предложение! — отскакивает от зубов.

Я начинаю злиться.

— Пшёл вон! — рычу я, впиваясь глазами в румяные щёчки бесстыжего спамо-бота. — Р-развернулся и вышел, откуда зашёл!

Спамо-бот исчезает, обдав комнату шлейфом рекламного одеколona. Из дверцы ползёт фуа-гра

на тарелке. Я жую, не чувствуя вкуса. Настроенье изгажено.

12:10 выходного дня.

— Безобразие! — ворчу я под нос. — Сколько же развелось рекламного мусора... Антивирус — какого чёрта он это вообще пропускает?

Доставщик стыдливо кряхтит.

— Бесплатная версия даёт урезанную защиту... — доносят динамики. — Она избавляет от троянов на девяносто девять процентов, вирусов — девяносто шесть, червей — девяносто четыре, спам-сообщений — тринадцать... Для более надёжной защиты советую вам приобрести платную версию...

Я скриплю зубами. Доставщик замолкает. Предупредительность — плюс современной техники... А спам — её совершеннейший минус.

— Тринадцать процентов! Да её, считай, и нету совсем! Вы издеваетесь?

Вопрос риторический. Ответа не требует. Но Доставщик всё равно отвечает — щелчком раскрываемой дверцы.

— В инструкции пользователя нет пункта об издевательствах... — бубнит голос Доставщика, и матовая, с радужными переливами, табличка инструкции лезет из дверцы прямо в мои дрожащие руки. — Просьба внимательно изучить, прежде чем предъявлять претензии изготовителю.

Я закипаю и с шумом взрываюсь.

— Да пошёл ты! И твой изготовитель — туда же! — ору я в полуоткрытую дверцу. — Жить людям спокойно не даёте! Пособники спамерья... а-а... я-а...

Что-то грызёт меня за ногу. Округлыми, твёрдыми зубками. Я опускаю глаза. По полу тянется гусеница.

Мерзко-зелёного цвета, с сотнями шевелящихся лап на слизнявых присосках — лезет и лезет из дверцы.

«Червей — девяносто четыре процента», — отчаянно думаю я. Дальнейшие мысли мои нецензурны.

Меланхолично пыхтя, червь обвивает себя вокруг кресла. Впивается жвалами в кожу обивки. Пятнадцать деньго-единиц! Сколько же будет стоить ремонт?!

— Сволочь! Убью! — надсаженным голосом рыкаю я. В руке моей появляется льдисто-хрустальная ваза (семь деньго-единиц), что так гармонирует... гармонировала... решила не гармонировать... с шифоньером у кресла. — Х-хэк!

Опускаю хрусталь на извивисто-змейное, гадко-зелёное тело червя. Червь шипит и исходит предсмертной слизью. Ваза трескается. Слизь на ковре. Погрызено кресло. Мне нанесён ущерб и компенсации не предвидится.

— Приобретайте страховку на случай неожиданностей! — хулигански, с вызовом, доносится из Доставщика. — Застрахуйте себя от вирусов, троянов, червей, спам-рассылки быстро и без колебаний! Годовая стоимость — полторы деньго-единицы! Только сегодня! Цены по акции!

12:50 выходного дня.

Я бессильно падаю в кресло. У меня болит голова. Я не хочу страховаться. Я хочу отдохнуть. У меня отняли отдых и навязали взамен омерзевшего спама вкупе с разрушительной вирусней. Где мой потерявшийся позитив? Кто посмел так бездушно отнять его?

— Детективчик, пожалуйста. Какого-нибудь современного автора. Что-нибудь... лёгонькое, мозги разгрузить, — говорю я Доставщику. В своём голосе я чувствую осторожность и страх. И это мне

очень не нравится. — Поменьше кровищи, побольше интеллектуальных загадок. Чтоб не «убийца-садовник», а...

Дверца распахивается так широко, как только можно. Из недр Доставщика рвётся бодрая музыка, фиолетово-жёлтые шарят софиты по комнате. Ослепительно. Резко. Навязчиво. Я закрываю руками лицо.

— Я свободе-ен, словно птица в небесах! — радостно выводит рулады плохо поставленный голос. — А-а... я свободен, я забыл, что значит страх!

В комнату впрыгивает разукрашенный блёстками спамо-бот, с лакированно-чёрной гитарой под мышкой и приклеенной намертво диковатой улыбкой.

— Я свободе-ен! С диким ветром наравне! — музыкальный спамо-бот дефилирует к креслу. Блёстки с гладких бёдер его осыпаются в пол. — Я свободен наяву, а не во сне! — орёт он мне прямо в ухо, терзая гитару. — Бесплатный концерт от исполнителей из Доставщика! Зацените между чтением детективов! — развязно подмигивает он, дёргая шеей.

Я бью его кулаком, с маху, прямо в наглую спамо-морду. Отбиваю кулак о синтетик. Визжу. Добавляю хук справа. Музыкальный спамо-ботер крепко стоит на ногах. Его зубы белые, как фарфор, дорогой, не менее трёх деньго-единиц за штуку. Его улыбка призывна и вдохновенна. Его желание петь сносит скалы. Я отступаю к стене, разгоняясь. Бегу на спамо-бота, выставив голову, точно бык на корриде. Торможу в спам-живот. Обнимаясь, мы падаем. Пол заслизен червём и скрипуч.

— Н-на... сволочь навязчивая... получи... — взгромоздившись на спамо-бота верхом, я работаю

кулаками. Он поёт про свободу, подобную птице, и улыбка не сходит с надтреснутых уст его. Наконец с пяти... десятым ударом он, хрюкнув, обращается в мерзкую слизнякастую лужу.

Я свободен... Чёрт, вот же прилипчивый мотивчик!

— Убрать здесь всё! — команду я домашнему роботу. Он приступает к уборке. Я валюсь в кресло, точно скошенный сноп. Доставщик, с уважением гудя, подаёт мне детектив на подносе. Я листаю, не глядя. Вор в чёрной маске лезет в окно. Блондинка целится из револьвера... Благословенные старые времена, когда не было в природе Доставщиков! Доставщики — боль современности.

13:17 выходного дня.

Пора проверять рабочую почту. Экран Доставщика загорается розово-красным.

— Вам поступило отличное деловое предложение! — выбивает звуками он. — На ваше резюме «Ищу работу тестировщика» от двадцать пятого ноль восьмого две тысячи двести тридцатого года. Фирма «Сирин и Ко» готова принять вас на работу хоть завтра! Пройдите, пожалуйста, виртуальное собеседование!

Я расслабленно выдыхаю. Работа — это деньго-единицы. Это возможность жить. Возможность дышать. Возможность потреблять фуа-гра и детективы. Я лишился её три дня назад и хочу наконец-то найти. Время — деньги. Они утекают.

Дверца раскрывается тихо и важно. За ней — бот-интервьюер. Он гладко выбрит и безупречно серьёзен.

— Вам нужна работа, — задумчиво говорит он, обращаясь ко мне.

Я недоуменно киваю. Да, разумеется. Иначе я бы не давал объявление.

— Вам о-чень нужна работа, — нежно улыбается бот, доверительно взяв меня за руку. — Очень-очень. И наша фирма готова предложить вам её! — жестом фокусника он извлекает из кармана буклетик. — Живой стриптиз в ночном клубе «Сирин и Ко»! Набираем только людей! Нам не нужны боты-раздевальщики! Только реальные люди! Конечно, это не совсем законно, но... — он замолкает, обдав кресло лучами улыбки.

Я сатанею. Опять чёртов спам! Да ещё и с предложениями нелегальной работы! Я хорошо знаю, сколько деньго-единиц поднимают за сутки стриптиз-работники подобного плана, пока их конторки не схлопываются... и хорошо понимаю, кто на эту работу идёт. Люди с нулевым уровнем квалификации. Изгои. Беспольные члены общества, не имеющие возможности заработать легально. Без опыта. Без образования. Самое дно.

Да меня оскорбили!

— Пош-щёл ты... обратно в Доставщик, бандюга! — исхожу я белёсою пеной у рта. — Чтоб тебя... так и раззтак...

— От моего предложения не так просто отказаться, — подмигивает бот-интервьюер. Раз и другой, и третий-четвёртый.

Мой глаз дёргается вслед за ним. Спам-бот довольно кивает.

— Сейчас вы хорошенько изучите все условия, — мягко мурлычет он, вкладывая мне в руки буклетик, — а завтра я снова приду и спрошу — а согласны ли вы? И вы ответите: «Да! О, да!», или я приду послезавтра... и через неделю... — он удаляется, подмигнув напоследок из недр Доставщика.

Я обессиленно падаю на пол, чистый до зеркального блеска.

Ботам пора запретить вести себя настолько развязно... А кто им запретит?

13:49 выходного дня.

Я уже ничего не хочу. Сколько деньго-единиц я потратил сегодня с новым Доставщиком? Добавим в актив кресло, вазу и работу по уборке пола. Ах да, и моё бесценное время, потраченное на вычитку спама.

— Ваш финансовый отчёт! — голосом мажордома объявляет Доставщик. Его экран делается скучнее-серым. Дверца открывается...

Нет!

Я бью рукою по воздуху, но слишком поздно.

Троян-похититель! Подлый спам-ворюга!

Он прыгает в комнату, точно злодей в чёрной маске из детектива. На левой руке у него десять пальцев, на правой — в два раза побольше. Чпок! Левая рука вцепляется в стенку Доставщика, намертво, как прилипла. Ш-шурх! Правая рука пробегает по клавишам, точно молния шарового разряда. Цифры на экране испуганно мечутся. Вж-жух! Истираются в голый, незащищённый, страдающе-круглый, ноль-бублик по центру экрана. Я потею от ужаса. Всё пропало. «Убийца-Доставщик!» А-ха-ха-ха, злодей современности! Я ведь заказал современного автота! А-а...

Я теряю сознание, не вставая из положения лёжа. Это непросто, но у меня получается.

14:49 выходного дня.

Я прихожу в себя. В комнате пусто.

— Прослушайте информацию о состоянии вашего счёта! — повторяет и повторяет Доставщик. — На вашем счёту — ноль целых и ноль десятых деньго-единиц. Будете пополнять счёт? Рекомендую кредитную карту.

Кредиты — беда современности. При наших постоянных расходах без них не прожить. При нашей

системе безопасности Доставщиков — не прожить тем более. Скупой платит дважды. Дважды скупой платит трижды... А я больше платить не хочу.

— Какой мне положен лимит? — улыбаясь, точно оживший вдруг спам-бот, задаю я вопрос. — Ответствуй, о, великий Доставщик!

Склоняюсь пред ним до земли, истинным владыкой двадцать третьего века. Тот магазин, в котором я купил его, — последний в округе ещё работающий магазин.

А я — один из последних в квартале, кто приобрёл себе на дом Доставщик. Тянул, выжидал, берёт крохи спокойствия.

Ретроград. Противник новинок. Король осторожности. Я был прав. О-о, как я был прав, ожидая какой-то подлянки!

— Двадцать четыре деньго-единицы! — важно объявляет Доставщик, мой повелитель и бог.

Чудесно. Просто волшебное. Как раз хватит на то, чтоб купить лицензированный антивирус, отсекающий спам, вредоносные письма, трояны, червей и рекламные баннеры на все 100 процентов!

На фуа-гра и детективы уже не хватает. Ну и... Доставщик с ними! Поголодаю, пока работа для меня не подыщется. Я — тестировщик первого класса, не стриптизёр какой-то, не продаван, не распространитель рекламных листовок! Меня спам-ботом не заменить!

Человек — это звучит гордо!

— Кредит одобрен! — раздаётся из чёрного недра Доставщика. — А это вам в бонус!

И жиром лоснящееся фуа-гра скользит ко мне на стеклянном, изысканном блюде.

15:00 выходного, столь тяжкого дня.

Я рыдаю от счастья. И ем фуа-гра. **У**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

